

НИКОЛАЙ АНФИМОВ

В архив не вносить

ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПОВЕСТЬ

Николай Кириллович Анфимов
В архив не вносить.
Остросюжетная повесть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18323920
ISBN 9785447470111*

Аннотация

Однажды в сибирской тайге, в заброшенном и догнивающем сталинском лагере, я случайно нашел табличку – памятку для часовых с надписью: «Воин! Будь бдителен – помни побег Павлова!» Позднее пожилые местные жители рассказали мне интересную легенду об отчаянном капитане Василии Павлове...

Содержание

Предисловие	5
Книга первая. Голодные острова	7
Глава первая	7
Глава вторая	33
Глава третья	46
Глава четвертая	58
Глава пятая	68
Глава шестая	79
Глава седьмая	83
Глава восьмая	91
Глава девятая	96
Глава десятая	106
Конец ознакомительного фрагмента.	122

В архив не вносить
Остросюжетная повесть
Николай Кириллович
Анфимов

Солдатам великой войны посвящается

© Николай Кириллович Анфимов, 2016

ISBN 978-5-4474-7011-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сибирь. Верхний Челым. 1988 год. апрель

По раскисшей дороге, в гору, с ревом полз лесовоз «Урал», загруженный длинными бревнами – хлыстами. Вот он с трудом перевалил гребень горы, проехал десяток метров по ровному месту, закрипел тормозами, и встал. Из забрызганной грязью кабины, на придорожную проталину выпрыгнул парень лет тридцати, шустро присел несколько раз, разминая затекшие после долгого пути мышцы, но на очередном приседании неожиданно замер: невдалеке от него, на огромной, поросшей мелким кустарником поляне, стояли большие железные ворота, намертво прибитые скобами к вкопанным в землю и потемневшим от времени толстым бревнам. Рядом с воротами лежала на земле полусгнившая сторожевая вышка, в кустах виднелись скрученные витки ржавой колючей проволоки, чуть далее темнели в зарослях трухлявые срубы обвалившихся барачков. Затерялся в тайге заброшенный людьми старый сталинский лагерь. Неожиданно налетел резкий порыв ветра, на гнилой вышке закачалась и звякнула жестянка правильной прямоугольной формы. Парень – водитель заинтересовался и подошел ближе. Внимательно присмотрелся к странной жестянке, и присев на кор-

точки, с треском сорвал ее с трухлявой древесины. На куске жести с давно выгоревшей краской слабо просматривался силуэт солдата в каске с винтовкой в руках и ровная надпись под ним: **ВОИН! БУДЬ БДИТЕЛЕН – ПОМНИ ПОБЕГ ПАВЛОВА!** Разглядывая на ходу странную находку, парень медленно подошел к кабине лесовоза, сунул руку за водительское сиденье, и достал оттуда черную тряпку. Бережно завернул в нее жестянку, и резво запрыгнул в кабину. Хлопнула дверца. «Урал» взревел, выпустил мутное облако выхлопных газов, и тяжело двинулся дальше...

Книга первая. Голодные острова

Глава первая

Ленинград. 1946 год. Август.

Павлова взяли на вокзале.

Громыхая буферами и выпускающая клубы пара, поезд медленно тащился вдоль старого перрона. Пассажиры в вагоне засуетились. Поснимали с верхних полок свои вещи и редкой цепочкой потянулись к выходу. Павлов подождал пока выйдут соседи по купе, поднялся с места. Привычным движением поправил фуражку, взял в правую руку старенький чемодан и двинулся вслед за людьми.

В тамбуре толпился и медленно выходил на перрон народ.

Остановился у окна. Долго стоял и смотрел на обветшалое здание до боли знакомого вокзала: «Ленинград! Город мой родной, сколько лет я мечтал снова увидеть тебя? Вот и закончилась моя военная эпопея длиной в шесть лет, начинается новая, мирная жизнь...»

Тамбур опустел. У выхода из вагона стояла пожилая проводница.

Вышел на перрон и остановился напротив женщины

– Спасибо мать! Хорошо доехали, – быстро и с комфор-

том.

Проводница улыбнулась

– Пожалуйста, товарищ офицер!

Недавно прошел дождь, на перроне блестели мелкие лужицы. Издалека доносились глухие раскаты прошедшей недавно грозы, воздух был свеж и чист.

Навстречу, вдоль состава, быстро шли два угрюмых типа в темных пальто и шляпах, высматривая кого-то в толпе идущих людей. «Агенты НКВД? Ищут разыскиваемых уголовников или встречают кого?»

Зашел в здание вокзала, пересек его коротким путем и вышел в город. Чувство непонятной тревоги шевельнулось в душе, шевельнулось и притихло. «Странно? Война давно закончилась, а интуиция все еще подает сигналы опасности? Но сегодня, слава Богу, она ошиблась. Все хорошо, как не крути, а я уже дома...»

Прошел вблизи деревянного ларька. Бегло взглянул на стекла, и в отражении увидел одинаковых типов. Типы явно шли за ним. «За мной все же увязались? Неужели „контора“ мною заинтересовалась? Нет, не за что. Эти не по мою душу, по своим делам рыщут...»

На привокзальной площади стояли три легковых автомобиля. От ближайшего авто навстречу быстро подходили двое мужчин в штатском с явной военной выправкой. Сзади приближались угрюмые типы

– Капитан Павлов?... взяли в круг...

– Да! Капитан Павлов, чем обязан?

– Василий Павлович?

– Да! Василий Павлович!

– Госбезопасность! К Вам имеется несколько вопросов, пройдемте с нами в автомобиль. Властная рука в перчатке показала на распахнутую дверцу легковой

– Садитесь, капитан...

Павлов молча сел в машину, пристроил на коленях чемодан. «Эпопея, похоже, не закончилась? Возможно, встреча с мамой и сыном откладывается на неопределенное время?»

Слева втиснулся один из агентов, пришлось подвинуться вплотную к правой дверце.

– Поехали, нас уже ждут...

Осмотрелся. На боковых стеклах автомобиля темные шторы, ручка открывания на дверце, у которой он сидел, отсутствовала...

Везли долго. Автомобиль переезжал мосты, ехал по набережным и петлял переулками, выезжал на улицы, где повсюду стояли полуразрушенные дома, виляя среди завалов из битого кирпича и камня, вновь нырял в ближайший переулок. Мрачные попутчики ехали молча А Павлов обдумывал сложившуюся явно не в его пользу ситуацию

«В чемодане трофейный пистолет, две обоймы к нему. Ну, на кой хрен я его взял, не настрелялся еще досыта? Везу нелегально, разрешения на него нет. А если взяли по ошиб-

ке? Попутали со шпаной ряженой¹, а тут „Вальтер“. Контора² вполне может зацепиться за такой факт, и начнет шить подготовку покушения на видных деятелей партии. И ведь знают, сволочи, что многие фронтовики везут домой штыки, пистолеты, и прочую мелочь. Но мне от этого не легче. „Вальтер“ и обоймы надо сбросить с рук, но как ухитриться сбросить, пока не обыскали чемодан? Бред! Они глаз с меня не спустят, пока не сдадут на руки тому, к кому везут, а пистолет даже не достать незаметно. Значит, следует придумать правдоподобное объяснение.» Возможности избавиться от опасного груза за всю дорогу так и не появилось...

Автомобиль остановился в глубине большого двора у неприметной двери черного входа.

– Внимание, Павлов! Соблюдать дистанцию при конвоировании! Вперед!

Двое в штатском провели по длинному мрачному коридору, лестницей поднялись на второй этаж

– Стоять! Лицом к стене!... остановили у первой же двери

В кабинете строгая казенная обстановка. За большим, обитым зеленым сукном столом, привстал маленький человек в сером костюмчике и массивных роговых очках.

Заговорил человек на удивление приятным голосом

– Если я не ошибаюсь, Вы, – капитан Павлов Василий Пав-

---

¹ Ряженные – в послевоенные годы уголовники совершали преступления переодеваясь в военную форму. Контора – органы госбезопасности.

² Контора – органы государственной безопасности.

лович?

– Да! Капитан Павлов Василий Павлович!

– Прекрасно! Пройдите, пожалуйста, ко второму столу, и поставьте на него свой чемодан для досмотра. Извините, – обычная формальность... показал рукой в дальний угол кабинета... а затем, садитесь вот сюда... рука показала на табурет перед зеленым столом...

Павлов прошел и поставил чемодан на второй стол.

У зарешеченного окна стоял и курил в открытую форточку крепкий коренастый офицер лет сорока, в военной форме, с майорскими погонами на плечах. Глянул на него ничего не выражающим взглядом, и отвернулся снова к окну. Грубо сколоченный табурет стоял слишком близко к столу, садиться было неловко. Павлов дернул его за край, пытаясь поставить удобней, табурет даже не пошевелился. Посмотрел под ноги и усмехнулся – неуклюжее сидалище было намертво прибито к полу. Пришлось сидеть в неудобной позе весь допрос...

– Ну-с, Василий Павлович, приступим к делу. Для начала представимся: меня зовут – Вадим Яковлевич Коган. Старший следователь госбезопасности! Я буду вести следствие по вашему делу. А это мой товарищ и коллега по работе – Федор Семенович Корюхов, прошу любить и жаловать. Вам крупно повезло Василий Павлович, мы с коллегой считаемся, так сказать, мягкими следователями. Арестованные уважают нас за то, что мы никогда не применяем мер физиче-

ского воздействия. А Вы, как я понял из личного дела, всю войну прослужили в разведке...

Коренастый майор от окна посмотрел на Павлова с интересом: «Мягко стелет – но как будем спать? Благодушие у недомерка показное, а нутро, чувствую, гнилое. Да и майор, похоже, не лучше? Хотя нет: лицо простое, крестьянское, нос перебит, уши приплюснутые, похоже, боксер, да и в переделках бывал, черные пороховые точки от стрельбы на правой руке. Возможно, воевал?.. Точно воевал, что-то родное от него исходит...»

В душе появилась робкая надежда. Павлов знал: в среде фронтовиков всегда присутствовали уважение и чувство солидарности друг к другу, готовность хоть чем-то помочь попавшему в беду даже и незнакомому товарищу по сражениям.

... – я всегда относился с уважением к людям прошедшим столь суровую школу...

Слова Когана доносились откуда-то издалека, нахлынувшее вдруг волнение глушило их, майор за соседним столом открывал его чемодан...

...ну ладно, это все эмоции, оставим их. Давайте уточним ваши данные, Василий Павлович:

Год рождения – одна тысяча девятьсот шестнадцатый. Уроженец Вологодской губернии, как раньше при царе писали, деревня Погост, Велико – Устюжского уезда.

Родители: Отец – Павлов Павел Иванович. Год рожде-

ния – одна тысяча восемьсот восемьдесятый. Мать – Павлова Анастасия Федоровна, одна тысяча восемьсот восемьдесят второго года рождения.

– Данные по родителям верны, Павлов?

– Да все правильно, данные верны...

– Тогда продолжим: ваша семья переехала в Петроград, как назывался тогда наш город, в одна тысяча девятьсот двадцать третьем году, где Вы, Павлов, до ухода на службу в Красную Армию, в одна тысяча девятьсот сороковом году, и проживали. До войны служили на заставе номер одиннадцать, двадцать второй погранотряд НКВД, нападение Германии встретили там же. За военный период времени мы поговорим отдельно, продолжаем далее: последний год служили в Венгрии, откуда и следуете сейчас. Войсковая часть – тридцать четыре двести шестьдесят два. Командир – подполковник Стрельцов. Уволились в запас по собственному желанию. Полностью ли совпадают ваши данные? Отвечайте Павлов!

– Да, все правильно, данные полностью совпадают. А сейчас объясните мне – на каком основании меня задержали?

– Всему свое время, не волнуйтесь, объясним...

А майор за вторым столом уже вынул из его чемодана завернутые в полотенце гостинцы для матери и сына, осмотрел содержимое и аккуратно отложил в сторону. Достал и расправил с легким звоном парадный китель с наградами, с уважением посмотрел на Павлова, слегка улыбнулся

«Сейчас поднимет галифе, а под ними сверток с пистолетом и обоймами. Вот и приехал ты домой, Вася...»

Коган встал и вышел из-за стола. Он оказался еще худощавее и меньше чем казался сидя. Подошел почти вплотную к сидящему на табурете Павлову и неожиданно закричал:

...Отвечать на мои вопросы четко и разборчиво!!! Итак: где Вы были, Павлов, в июле и августе сорок первого года? Да-да, июль, август сорок первого?

Китель уже лежал на столе, рядом галифе и портупья, а майор копался в чемодане и ...молчал.

Павлов замер. Он уже не слышал, что говорит ему следователь, он ждал восторженного вскрика от второго стола. А странный майор все молчал...

...Павлов!!! – заорал ему прямо в ухо Коган... Вернитесь на землю!!! Ваша судьба решается сейчас, именно сейчас, а Вы витаете где-то в небесах? Объясните нам: каким образом в немецких архивах по военнопленным оказалась карточка с вашими данными? Вы что – были в плену? В вашей автобиографии нет упоминаний о плене. Нет! Отличные характеристики, награды, и вдруг после войны во вражеских архивах всплывает карточка с вашими данными? Не кажется – ли Вам странным сей факт? Объясните нам, Павлов – почему Вы скрыли от командования, что были в плену, что заставило скрыть свое пребывание в плену? А может Вас, завербовала немецкая разведка, и сейчас, Ваше личное дело, заполненное в «Абвере», уже у американцев? Да, Павлов?

Немцы сдали все свои архивы американцам, и они к Вам придут Павлов, обязательно придут! Американские резиденты не забывают своих людей. Когда в последний раз Вы виделись со своими хозяевами, Павлов?...

Лицо следователя покрылось красными пятнами, в голове появились истерические нотки, по сторонам разлетались брызги слюны...

– Вы изменили Присяге и Родине! Вы предатель и американский агент...

Знакомая волна ярости затмила разум.

«Надо валить этого хлюпика...»

Павлов опустил руки на табурет и слегка приподнялся...

«Майор далеко, недомерка успею кончить...»

Но медлительный с виду майор Корюхов оказался очень даже подвижным, он мгновенно вклинился между арестованным и следователем, грубо осадил приподнявшегося Павлова обратно на табурет.

– Арестованный, сидеть!!! Не стоит делать глупостей! В противном случае закуем в наручники и все допросы будем проводить в том же духе! Успокойтесь, Ваша вина пока не доказана. Мы все проверим самым тщательным образом и докопаемся до правды. Лично я не исключаю и такой вариант, – что «Абвер» наштамповал подобных карточек на добрую половину нашей армии, с целью устранения лучших бойцов нашими же руками. Все мы прекрасно знаем, что штабной документации в руки врага попало немало,

особенно в первый год войны...

Встрял Коган

– Федор, что ты несешь? Архив проверен специалистами, подделка исключена...

– На кой хрен ты назвал Павлова предателем, ты что, уже во всем разобрался?

– Архив...

– Фальшивый архив или нет – знает только «Абвер»! Наше дело во всем разобраться по закону и по совести, иначе много заслуженных людей пострадает.

– Я тебя не понимаю, Федор? Нам дано указание разыскать, всех оставшихся в живых, и проверить их на предмет вербовки немецкой разведкой, и приказ надо...

...но майор гнул свое

...предатели и дезертиры обязательно пойдут под суд, только вот честные люди не должны пострадать. А мы с тобой и будем определять – кто честен перед Родиной, а кто нет...

Странный майор медленно отходил к второму столу увлекая за собой Когана

...вот и давай разбираться, опыт работы в органах у меня весьма солидный, арестованных я насквозь вижу...

– Да Вадим, я всегда помню об этом, но сегодня ты порешь горячку. Нет, ты посмотри сколько у него орденов и медалей, такой человек просто не может быть предателем...

И Павлов понял: «Да он же мне помогает, заговаривает

следователя и сбивает того с толку своими разговорами, дает мне время обдумать ситуацию и найти правдоподобное объяснение. Про пистолет ни слова?...

неожиданно появилось сомнение...

...Стоп, а вдруг разыгрывают спектакль? Через некоторое время плохой следователь уйдет, а «хороший» останется. Пороховые следы могли остаться на коже и после многочисленных расстрелов? Весьма сомнительно, что в этом заведении служат честные офицеры, что-то не слышал я о таких? Значит, пудрят мне мозги. А пистолет майор достанет позднее, чтобы прижать меня как следует, и тогда «Вальтер» автоматически превращается в улику. Обвинение слишком серьезное – плен и шпионаж в пользу Америки, а это уже тянет на расстрел. Боевые заслуги в счет не идут, в наших трибуналах повсюду сидят «тыловые мыши». Штрафники на фронте не раз рассказывали, как и за что их арестовывали, как били до полусмерти и как судили. Не верил тогда бывалым людям, думал, привирают, а сейчас вот и сам попал неизвестно за что? Но в плену я не был, тогда откуда в немецких архивах взялась карточка с моими данными? Как раз в июле и августе сорок первого я выходил из окружения. Напарник Серега в сорок пятом погиб, подтвердить мою невиновность некому. Да и что толку от этого подтверждения? Стоп? Заставу на Буге немец разнес вдребезги, все штабные документы остались в руинах, но в сейфах. Бумаги могли уцелеть, и после того как их обнаружили, передали в «Абвер». Далее

с ними произвели манипуляции, и вот результат – свои же и меня и шлепнут. Да... силен был немец на провокации? Как же я мог про заставу забыть? Ну ничего, сейчас я знаю что отвечать...»

...ну и что? В американской разведке глупые не служат, может все награды фальшивые?

– Все возможно Вадим, не исключаю что ты прав? Ладно, давай дальше работать с арестованным...

Настырный майор сдавал свои позиции, но психологический натиск следователя уже утратил свою силу, и время было упущено.

Проговорив с майором еще с минуту, следователь Коган вернулся к своему столу

– Мы слегка отвлеклись Павлов, но допрос продолжается. Как я думаю: настоящий советский офицер никогда бы не стал скрывать правду от руководства, чего бы это ему не стоило. А Вы, Павлов, скрыли. Возникает вопрос – почему скрыли? А ответ на такой вопрос один – Вас завербовала немецкая разведка! Пора уже сознаться в совершенном преступлении, и я не советую играть в молчанку, ибо на карту поставлена ваша жизнь...

– Заявляю Вам, товарищ следователь, – в плену я не был, на вражеские разведки никогда не работал, я честно служил Родине и прошел всю войну, с первого до последнего дня. Предъявленное мне обвинение в шпионаже считаю оскорбительным и несправедливым! Признаваться мне не в чем,

у меня нет грехов перед Родиной...

Следователь вскипел...

– Арестованный, я Вам не товарищ!!! И впредь советуую называть меня – гражданин следователь! Хватит испытывать мое терпение, нервы с вашим братом у меня иногда сдают, могу и в подвал к «спецам» опустить. Не позднее, чем к утру, во всем признаетесь...

Майор Корюхов слушал внимательно, наблюдая за происходящим со стороны, затем прикурил папиросу и молча, направился к двери. Взялся за ручку

– Ты куда, Федор?

– В уборную схожу. Ты поработаешь один или охрану позвать, мало ли чего?

– Сходи конечно, только побыстрее...

Когда странный майор выходил из кабинета, Павлов заметил у него сзади под кителем на уровне поясницы небольшое утолщение

«И снова ты Вася ошибся. Он же пистолет пошел выносить, за ремень его пристроил. Лихой, однако, мужик, раз арестованному помогать не боится. А как точно майор просчитал критический для хлюпика момент, подоспел вовремя? По сути дела он же спас меня своим вмешательством, иначе бы я словил пулю прямо в этом кабинете. Надо держать себя в руках несмотря ни на что...»

Едва за Корюховым закрылась дверь, как следователь нажал что – то под столешницей.

В кабинет влетели два бугая в штатском...

– Пойдите у дверей, пока нет Федора! Придет, уходите!

Снова вышел из-за стола, вплотную подошел к сидящему на табурете Павлову.

– Так что Вы можете мне сказать по поводу карточки из немецкого архива? Где немцы могли раздобыть ваши подробные данные? А может Вам просто нечего мне сказать?

– Объяснение у меня только одно: в первый час войны, заставу, на которой я служил, после сильного минометного обстрела, с боем взяли немцы. Две трети личного состава погибли прямо в казарме, в самом начале нападения. Остальным, кто уцелел под обстрелом, пришлось, отстреливаясь, отходить в лес. Немец пер большими силами, устоять не было ни малейшей возможности. В штабе, в сейфах, находились документы на весь личный состав погранотряда, мои в том числе. Я уверен: «Абвер» изготовил липовый архив, по уцелевшим в сейфах документам, с целью – подбросить нашим особистам для уничтожения оставшихся в живых. Очень не любил немец пограничников...

Следователь долго молчал, обдумывая объяснение

– Допустим, что все было именно так? Объяснение вполне правдоподобное, хочется даже поверить? Но Вас не было на нашей стороне целых два месяца? Согласно имеющимся в вашем личном деле документам, в действующей части Вы появились в самом конце августа сорок первого. Так, где же Вы были, Павлов, столь длительное время, аж целых два ме-

сяца? У немцев проходили разведывательно-диверсионное обучение?

Павлова затрясло от злости, но усилием воли он сдержал нахлынувший гнев, и спокойно сказал

– Попробую объяснить, раз Вы такой непонятливый? Как я уже говорил, уцелевшие пограничники ушли в лес, и я в их числе. Вермахт передвигался по дорогам, в основном на технике, и довольно быстро. Мы же пробирались лесными тропами и почти всегда в темное время суток. Во всех населенных пунктах стояли немцы, все дороги и даже тропинки были перекрыты. Без малого два месяца выходили из окружения. Вышли вдвоем, так как все из нашей группы погибли в перестрелках. И еще: мы пришли к своим с трофейным оружием, а не с пустыми руками, что тоже сыграло немаловажную роль при проверке

– Это объяснение никуда не годится! Окружением пытаются прикрыться многие, в том числе и предатели. Оружие могли и немцы выдать, как раз для прохождения проверки. Из старшего офицерского состава с вами кто был?

– Нет, никого не было, только рядовые...

– Ну вот, видите, почему я должен Вам верить?

– Когда мы вышли к своим, нас несколько раз допрашивал капитан из Особого отдела, значит где-то должны быть протокола допросов и заключительный результат проверки. Вы ранее сказали, что мое личное дело у Вас, вот и посмотрите...

– Ничего подобного в деле нет, никаких протоколов и никаких капитанов Особого отдела? Вы все придумали, Павлов, в то время тщательной проверки просто не могло быть, условия не позволяли.

– А Вы что, тоже были на фронте в сорок первом?

– Нет, не был, у меня другой фронт...

Громко стукнув дверь, зашел Корюхов, бугаи молча вышли...

– Федор! Что – либо интересующее нас, обнаружил в чемодане: записную книжку, какие-либо иностранные штучки?

– Все чисто: обычный набор вещей советского офицера приехавшего домой. Гостинцы родным, предметы личной гигиены армейского образца, фотографии матери, жены и ребенка. Китель и награды ты сам видел, удостоверения на них в кармане. В общем, ничего для тебя интересного в чемодане не нашлось. Да, еще две пачки приличных папирос и пара коробков спичек. Я думаю курево и спички капитану можно вернуть, в камере пригодятся. Домой ты его, конечно же, не отпустишь, знаю я твою хватку.

Утолщения под кителем майора уже не было

«Точно вынес пистолет из кабинета. Свой майор, фронтовик. Но ради чего он рискует? Это уже должностное преступление, наказание за такие вещи серьезное. И как он попал в этот сучий дом – нужда заставила, или партия направила? А недомерок его уважает, и похоже побаивается...»

...итак, Павлов, вернемся к нашему разговору. Вы утверждаете...

И еще больше часа следователь добивался от Павлова признания в несуществующих грехах. Тряс перед его лицом потрепанным кусочком картона без фотографии, с едва различимыми надписями и жирным номером на уголке, угрожал побоями и расстрелом.

А майор Корюхов ему больше не мешал, он шуршал бумагами за вторым столом и лишь изредка ободряюще поглядывал на Павлов, подмигнул два раза, дескать – «держись на своем».

Павлову же признаваться было не в чем, и он упорно доказывал свое... – Да, был я в окружении, но через два месяца все же вышел к своим. Капитан из Особого отдела проверял меня по всем правилам того времени. После проверки был направлен в действующую часть. Нет, в штрафном батальоне не был, не удостоился такой чести. В соседях со штрафниками стояли, я этого не отрицаю, даже не один раз стояли, а что в этом такого? Штрафные батальоны были на всех фронтах, многие с ними соседствовали...

Неожиданно и громко зазвонил телефон. Следователь с раздражением схватил трубку

– Да? Коган слушает! Понял, сейчас поднимусь к тебе!
вскочил со стула

– Федор! Поработай с Павловым, мне надо сходить по делам на третий этаж. Упрямый, я тебе скажу, тип. Ты, постро-

же с ним, тот еще кадр...

Хлопнула дверь. Корюхов мгновенно переместился за зеленый стол, положил на сукно большие жилистые руки. Наклонился ближе к Павлову

– Слушай меня внимательно, капитан! Слушай, и вбей себе в голову мои слова! Времени у нас в обрез, постарайся не перебивать! Мы, с тобой, – одного поля ягоды, вот поэтому я и постараюсь тебе помочь...

выхватил из кармана пачку папирос, бросил на стол...

– Кури! Вот спички... подвинул пепельницу...

– Сразу, главное! Не расслабляйся ни на секунду! Перед тобой очень серьезный враг! Эта мелкая гнида очень умна. Она пережила в этом сучьем доме Ягоду, Ежова, и сейчас лижет задницу Берия. Она не провалила за все годы террора ни одного дела, доказала и довела до конца все! Многие сотни ни в чем не повинных людей отправила к стенке. Говорю тебе это для того чтоб ты знал с кем имеешь дело и не верил ни одному ее слову. Она еще долго будет ездить тебе по ушам и даже пообещает свободу, но повторяю, – все ложь! Будет тебе чесать, что отменили расстрел, не верь, – стреляют! Тебя хотели взять еще в Москве, но гнида сказала: «Зачем транжирить государственные деньги на конвоирование и прочее, Павлов едет в Ленинград к матери и сыну, и он придет. Беру всю ответственность на себя!»...

...и ты приехал. Сейчас она потащила свои кости на третий этаж, там сидит такая же умная тварь, зовут – Стас. Раз-

говор будет о тебе. Стас разрабатывает одного из группы арестованных офицеров, кроме тебя взяли еще двоих. Одного уже забили до смерти, сейчас выколачивают признание в шпионской деятельности из второго. Работает нагло и грубо, орет и бьет арестантов до потери сознания. В общем – гад! В этом плане Коган даже лучше – сама вежливость по сравнению с ним. Сегодня я был удивлен – он сорвался на крик в начале допроса? Но не в этом суть. Эти сволочи задумали раскрутить громкое дело, что-то типа заговора и предательства в офицерской среде среднего состава? На большие звезды замахиваться побаиваются, осторожничают.

Нашего брата-фронтовика ненавидят лютой ненавистью, способны на любую пакость, а сами трусливы как шакалы. Вот на этом, мы с тобой и сыграем. Но сразу предупреждаю – по чистой тебе не выскочить. Карточка немецкого архива не даст! Главное для тебя – уйти из-под расстрела и миновать подвалы этого сучьего дома. Таких подвалов не было даже у Ваньки Грозного. Живым оттуда выйти невозможно, разве только что полным инвалидом? Там работают такие «спецы» по выколачиванию признаний, каких, возможно, не было даже у нацистов? Дальше: будем подводить дело к десятилетнему сроку, отмотаешь в лагере шесть – семь лет и выйдешь на волю живым и здоровым. Другого выхода я просто не знаю? Если ты мне поверишь, я все сделаю как надо. Коган отделит тебя от группы «заговорщиков» и пустит по де-

ду одного. То, что я сейчас скажу, тебя шокирует, и, тем ни менее, это надо будет сделать...

– Что я должен сделать?

– Тебе придется признать плен и подписать протокол. Учитывая твои военные заслуги и ранения, «тройка» выпишет тебе не больше десяти лет...

Майор нервно прикурил папиросу, бросил горелую спичку под стол...

...плохо еще то, что гниды натрезвонили про мифическую офицерскую организацию во многих высоких кабинетах, и эта трескотня будет сильно нам мешать. Много хороших людей загубят, сволочи. У меня сердце кровью обливается, как подумаю о загубленных офицерах, а помочь им ничем не могу? Имена и фамилии оставшихся в живых, якобы бывших военнопленных, внесены в списки. Дано указание провести тщательное расследование и виновных отдать под суд. Даже если этот архив заранее спланированная акция «Абвера», карточки все равно сделают свое черное дело даже через много лет, копать глубже никто не будет. Архив огромен. Москва разослала списки по областям, сама уже не справляется...

И снова появились сомнения в искренности майора

«Так и вышло, как я подумал вначале допроса – Корюхов оказался тот самый „хороший“ следователь. Красиво работают, – профессионально, далеко пойдут, сволочи. Сейчас скажет про пистолет...»

– За пистолет забудь, в кабинете его нет. Хорошая игрушка, красивая и надежная. Другу подарю, скажу от тебя. Ко-реш мой, по войне, сейчас большой человек. Наших тварей прошибает в пот от одного его имени, их пути однажды пересекались. Мужик крутой и бесстрашный, служебные полномочия почти неограниченны. Сидит в Москве, на генеральской должности, но звание пока полковник. Вот к нему я и обращаюсь за помощью...

А мысли крутились разные

«А впрочем, какая разница – подпишу протокол или нет? Подпишут и без меня, только здоровье перед этим отнимут. Влетел я по крупному, запросто могут и к стенке поставить. В нынешние времена ничего удивительного в этом нет – сатана правит бал. А к стенке рановато, мне всего тридцать? Лагерь еще не конец жизни, отсижу и выйду, буду жить, как живут нормальные люди. Майор, похоже, искренне мне сочувствует и хочет помочь. Надо соглашаться, терять то мне уже нечего...»

– Слушай, майор, – почему ты мне помогаешь? Чем я лучше других?

– Все очень просто – я сам два года отпахал в разведке. Лучше других знаю: что такое рейд к немцу в тыл, какой ценой достаются разведчику медали и ордена, знаю, как тяжело бросать тела погибших друзей, когда немец прет по пятам, а у тебя на руках груз, из-за которого они и погибли. Я много чего видел и пережил. А ты мне всю душу расковырял

своим появлением в этом треклятом кабинете, будь он трижды неладен! Сразу вспомнил ребят из своего взвода, комбата вспомнил, мы с ним два года в окопах вместе. Эх, брат, такое не забывается, да ты и сам наверняка всех помнишь.

– Да, майор, война навсегда останется в наших душах, – до самого конца!

– Ну, вот, видишь теперь, где собака зарыта?

– Вижу, и начинаю тебя понимать...

Корюхов вскочил из-за стола, нервно заходил по кабинету

– Ты думаешь, я добровольно пришел работать в «контору»? У меня выхода другого не было – два восьмилетних пацана у меня, близняшки. Жена в блокаду погибла. Теща, золотая женщина, спасла ребятишек. С нами сейчас живет, за детьми ухаживает. Она мне как мать родная, всем ей обязан. После войны уволился в запас, устроился на завод инженером. Работаю, деньги неплохие зарабатываю. Вдруг вызывают в горком партии: «Вы же кадровый военный, почему ушли из армии? А не желаете ли поработать в органах? Партия направляет: – попробуй, откажись, со свету сживут. А моим детям кто поможет, если меня не станет?

– Прости майор, я все понял. Делай что задумал, бумагу я подпишу. Но сам не попадись, цена за промах будет высока...

– Поехали дальше! Ранили в голову, в бессознательном состоянии попал в плен. При обыске немцы нашли в кармане гимнастерки медальон смертника, – вот откуда твои данные

в немецком архиве. А в принципе, можешь, что и другое придумать, лишь бы было на правду похоже? Через сутки удалось сбежать, вышел к своим. Про плен не доложил: – потому что в начале войны за подобные вещи могли расстрелять на месте без суда и следствия. Вину свою искупил в боях, что доказывают награды и ранения. Подтверждающие документы будут в деле...

– Но как остановить следователя только на факте признания плена? Он же подводит меня к шпионажу в пользу Америки?

– Вот этим я и займусь. Объясняю вкратце для того: чтобы ты не падал духом, пока будешь сидеть в тюрьме под следствием. Кореша моего величают – Кузнецов Петр Иванович. Командует очень серьезным подразделением контрразведки. В определенных кругах личность весьма известная, и наши следователи его хорошо знают. Один раз попытались перейти ему дорогу, получили такую трёпку, что сразу пропало желание связываться с ним. Что мы с полковником кореша, они по сей день не знают, да им и не надо этого знать.

Запомни точно: до сорок третьего года вы служили с Кузнецовым в одном взводе. Командир батальона – капитан Лазарев Захар Петрович. В сентябре сорок третьего Кузнецов сдал тебе взвод и отбыл на повышение в Москву. С тех пор ты его больше не видел. Повторить для ясности?

– Не надо, давай дальше...

– Завтра, в девять утра, Коган выдернет тебя на допрос,

будет дожимать до конца. Примерно в десять на его телефон будет звонок. После звонка, он начнет вынюхивать, откуда ты знаешь полковника Кузнецова? Ненавязчиво слей ему мою басню про сорок третий год, по – přátельски, назови Кузнецова – Кузей. Они знают, как его звали на фронте, навели справки. Не дрейфь, дальнейшие события закрутятся в твою пользу. И еще: постарайся прикинуться простачком, пусть думает, что ты глуп...

Корюхов достал из пачки очередную папиросу, прикуривил...

– Скажу больше, пока есть время. В мае этого года, гниды, сдуру или по ошибке, взяли его парня из местного отдела. Уже через сутки стояли под автоматами у лесной речки с привязанными траками на ногах, и с искренними слезами просили дать им шанс исправить свою ошибку. И Кузя им дал этот шанс. Парня выпустили. Но на него не было карточки в немецком архиве, там все было проще...

– Лихой мужик! Они же запросто могли его сдать?

– Кузя не только лихой и отчаянный, он еще умный и прекрасный психолог! А про тот случай я его позже спросил. Он мне отвечает: «Эти тыловые крысы – закоренелые трусы, у них духу не хватит меня сдать. Тем более они прекрасно знают, что мои парни за меня в короткое время их ликвидируют. Пусть пока живут – глядишь, пригодятся еще?»

Вот и пригодились? Ну и парни у него подобраны – оторви и брось! Все прошли войну, соблюдают негласные зако-

ны фронтового братства. Кузю уважают и любят, на смерть за него пойдут. А кличут – «Батей», как отца родного?...

В веселом настроении вернулся Коган

– Как идет допрос, Федор, есть положительные сдвиги?

– Сдвиги есть, и сдвиги положительные. Павлов признался, что был все – таки в плену. Утверждает: лишь одни сутки, потом сумел сбежать. Да сейчас он сам все тебе расскажет, парень вроде неглупый, понял, что запираяться бессмысленно.

Следователь подозрительно посмотрел на обоих

– Странно? Арестованный так искренне оправдывался, что я чуть было не поверил в его честность? Ну что ж, я рад за Вас, Павлов, лучше поздно – чем никогда. Вы даже не представляете себе как я рад вашему признанию. Правда рано или поздно все равно всплывет, но тогда все будет намного хуже. Ну ладно, и мы, в свою очередь проявим к Вам снисходительность, поместим в хорошую, по тюремным меркам конечно, камеру. Ну а если следствие будет и дальше продвигаться при обоюдном согласии обеих сторон, тогда разрешим свидание с родственниками, и конечно передачу, если таковую принесут?

Федор! Спички и папиросы арестованному можно вернуть. Разрешенные по закону предметы гигиены и белье завтра отдадим. Сегодняшнюю ночь, Павлов, переночуете в камере предварительного заключения. Там Вы будете находиться в одиночестве, обдумайте в тишине и спокойствии

свое дальнейшее поведение. Вас переоденут в гражданскую одежду, военная форма в местах лишения свободы запрещена, накормят, я распоряжусь. А сейчас: вот бумага и ручка с чернильницей, изложите свои злоключения на бумаге. Завтра, на основании вашего письменного признания, составим соответствующий протокол, его так же надо будет подписать, ну и будем работать дальше...

Глава вторая

Павлов лежал на самом краю огромных нар и дремал. Ярус был второй. Переворачиваться с боку на бок и даже пошевелиться было опасно, крайняя доска под тяжестью его тела подозрительно прогибалась, казалось, не выдержит и треснет. Вдобавок ко всему храпел и чесался во сне, сосед справа. «Хорошая» камера была битком набита людьми. По стенам и нарам ползали вши и клопы.

Напротив, через двухметровый проход, в котором находился железный, вмурованный в бетон, стол, и такие же железные, вмурованные в пол, скамейки, стояли вторые огромные нары до предела заполненные людьми.

Сквозь сон он слышал, как внизу куражились урки.

Привычная к тюремной жизни шпана, сбилась в шайку из семи человек, и держала в страхе всю камеру. Обнаглевшая от безнаказанности банда мелких блатных³ занимала добрую половину нижних нар в углу у окна и под страхом избиения никого не пускала на свою территорию. От безделья шпана бесилась.

Они то ржали как лошади, то придумывали какие то ди-

---

³ Заключенные с большим тюремным опытом, посвятившие свою жизнь тюремной романтике. Жизненные принципы – нигде и никогда не работать. Держали власть во многих тюрьмах и лагерях. Подчинялись только ворами в законе, но ни всегда.

кие игры. Всегда обнаженные до пояса, и щеголяя разномастными татуировками, с визгом и криками, оголтелая толпа носилась по камере сметая все на своем пути.

Когда надоедали нехитрые эти забавы, принимались всей оравой изводить «расхитителей» государственной собственности – измороженных войной, голодом и начальством, колхозных мужичков, арестованных за кочан капусты или горсть зерна

– Чё, колхозная харя, отдыхаешь в тюрьме? Обворовал государство и балдеешь теперь на дармовых харчах? А баба небось одна с детворой мается? Папа же спрятался от семьи в тюрьме, а тут его не достанешь...

– Да лучше бы я в колхозе на поле горбатился, чем здесь бока пролеживать целыми днями, да вшей кормить?

– Но лежать целыми днями мы тебе не дадим, не заслужил! Давай бери швабру и подметай камеру. Подметешь, как следует, бери тряпку и пол помой. Ну а мы с корешками посмотрим какой из тебя получился работник? Эй, иди сюда! А ну приколи нам за доярок. Какие они? Толстые от молока и сметаны, наверное? Нет? А твоя баба кем работает? Скотницей??? Иди отсюда! Эй! Ты-ты! Иди сюда!...

Доставалось и интеллигенции. Со скуки урки вытаскивали на проход полураздетого и несчастного, единственного в камере музыканта

– Расскажи-ка нам, ентелегентная рожа, сказку на ночь. Сказку давай интересную, и чтобы бабы в ней были. Можно

и в стихах...

Запуганный до полусмерти музыкант, сбиваясь и краснея, читал блатным стихи, пересказывал по памяти главы из книг, пел романсы и песни

Урки тешились...

– Очкарик, а на каком струменте ты на сценах играл? На скрипке? Ну скрипки у нас нет, к сожалению, а швабра, мы думаем, подойдет, сцену же вполне заменит параша. Схватил быстренько, и на помост! Мы все тебя внимательно слушаем...

Всех вновь прибывших урки тщательно допрашивали и сами отводили место на нарах. Сильных и крепких молодых парней определяли на лучшие места, и со временем затягивали в свою шайку.

Павлов тоже не миновал допроса, но прикинулся простачком, и на ходу сочинил легенду про деревенского «расхитителя» социалистической собственности

Только вошел в камеру, как подлетел урка в обвисшей грязной майке.

Заулыбался щербатым ртом

– Ты кто?

– Мужик!

Урка задумался...

– В каком смысле ты мужик? Я что-то вообще не понял – кто ты? Не похож ты на мужика, мамой клянусь! А... да ты легавый? Дверь попутал?

– Да мужик я! Деревня Погост. Колхоз наш называется – «Путь к коммунизму». Дрова в колхозном лесу украл.

Урке стало интересно

– Воришка? У государства крал? И много дров упер?...

Вся камера, человек, шестьдесят – семьдесят, наблюдала за Павловым и веселым уркой.

В глазах измученных неволей, и беспокойной тюремной жизнью, людей, теплилась надежда: – войдут когда-нибудь в опостылевшую камеру двое-трое серьезных парней, и загонят обнаглевшую донельзя свору тюремных шакалов, под нары. А может, переселят ее на жительство к параше, как раз у параша таким сволочям и место. И наступит тогда в камере рай – хочешь, гуляй, а хочешь, спи себе спокойно, никто тебе ни мешает, красота...

Но этот, в потрепанной, с чужого плеча, одежде, слегка обросший щетиной, то ли парень – то ли мужик, с простым деревенским лицом, явно не тянул на такую роль.

Интерес к Павлову пропал, камера занялась своими делами.

Лишь из самого дальнего угла, на него с любопытством смотрели, обнаженные до пояса, шестеро разрисованных татуировками парней.

... – Напилил ночью в лесу дров березовых, чурок пятьдесят всего? А когда домой стал перетаскивать, меня и застукали с поличным лесник с участковым... – с кислым видом рассказывал Павлов, – ...и делов то, всего – навсего, полсот-

ни чурок? Как ты думаешь, земляк – много мне дадут? А может домой отпустят?

Урке стало еще интересней

– Ну дядя, ты даешь? Конечно же отпустят домой... лет эдак через пятнадцать... блатной угол взорвался диким хохотом

...да ты не горюй. Старший лесник, то бишь прокурор, скоро отведет тебе делянку в колымской тайге, как выпилишь всю, так сразу и домой. Чего тебе бояться, ты даже в темноте пилить умеешь, значит быстро и выпилишь...

изгалялся веселый урка еще битый час...

И вот уже вторую неделю, Павлов, вместе с другими арестантами терпел эту камерную вакханалию.

С нар слезал только за едой. Молча, забирал свою пайку, когда раздавали баланду, и все так же молча, забирался обратно на нары.

Он ждал. Ждал, как будут дальше развиваться события по его делу. Все получилось так, как и рассчитал бывший разведчик Корюхов...

Ночь Павлов коротал в одиночке.

Вечером бугаи привели его в подвал здания и закрыли одного в крохотной и грязной камере.

Короткие нары в три доски, да ржавое ведро-параша в углу. На нарах стояла алюминиевая миска с холодным супом, рядом горбушка черствого черного хлеба и обломанная ложка. Есть Павлов не стал, не хотелось.

Вскоре вернулись бугаи. Бросили на нары сверток поношенного тряпья, на пол поставили старые кирзовые сапоги – Переоденьтесь! Военная форма у нас запрещена!

Разделся до белья, и аккуратно положил на нары полевую офицерскую форму с капитанскими погонами.

– Офицерское белье так же запрещено! Нательную рубашку снять, трусы и носки можете оставить.

С отвращением натянул на голое тело старую арестантскую куртку с одним карманом, и брюки, вовсе без карманов

– Что, материи у портного не хватило, карманы не пришил?

Бугаи молча сгребли капитанскую форму с бельем, и ушли...

Следователь вызвал его на допрос к девяти часам утра. Конвоиры сказали время, когда ввели в кабинет.

Коган был в хорошем настроении и сразу приступил к делу, Достал из папки и подал на подпись уже заполненный протокол

Павлов прочитал бегло и подписал. Довольный следователь расщедрился и достал из кармана пиджака коробку папирос «Казбек». Ласково посмотрел на Павлова...

– Угощайтесь, Василий Павлович, и продолжим разговор. Раз Вы признались, что были в плену, то я думаю надо честно признаваться и в том что «Абвер» все же завербовал Вас.

Юлинь не советую, правда все равно всплывет рано или поздно. Только тогда последствия для Вас будут весьма пла-

чевные, могут и расстрелять? Не вижу смысла запираяться – все и так ясно как божий день. Вы потому и не сознавались поначалу, что были завербованы немцами. На третьем этаже мой коллега допрашивает бывшего офицера. Тот уже дает признательные показания, сознался, что был завербован вражеской разведкой. Назвал фамилии и звания четырех членов некоей организации действовавшей во вред нашей стране и армии. Сказал, что и Вы состояли в шпионской группе, даже кличку вашу назвал. А называли Вас друзья – предатели – Палыч!. Назвал имена и фамилии двух курьеров, что доставляли добытую информацию в «Абвер»...

Павлов закурил папиросу, бросил горелую спичку в пепельницу...

«Так звали меня ребята на фронте, значит взяли кого-то из наших. А кличку тот мог назвать в ходе допроса по наивности, и не предполагая что ее будут использовать как средство шантажа. Недомерок несет эту чушь на полном серьезе, сам – себе наверное верит? Обвинения весьма серьезные, наказание по таким статьям только одно – расстрел. Крутая заваривается каша? А Корюхова нет, и телефон молчит? Неужели майор все же развел меня как последнего простака?»

Коган так вошел в роль обличителя, что выскочил из-за стола и забегал по кабинету, жестикулируя на ходу и громко стуча каблуками ботинок. Зацепился ногой за ножку стола, на пол рухнула настольная лампа

В дверь заглянул один из бугаев...

– Я уж подумал – нападение?

закрыл тихо

...дислокация и количество советских войск. Номера дивизий, полков, батальонов. Звания и фамилии командного состава. Информация уже проверяется, и мы не сомневаемся, что она полностью подтвердится...

И Павлов не выдержал

– Желаете, чтобы я признался во всем бреде, что Вы тут насочиняли? Что якобы я состоял в этой мифической организации? Все, что Вы тут несете – явная чушь! Особый отдел вычислил бы вашу, так называемую организацию, в два счета! В тылу такие вещи возможны, но никак не на фронте. Там все и все друг о друге знали. Да и много ли увидишь из окопа или блиндажа? Вот в штабах другое дело, но там я не служил, к вашему большому сожалению...

– Вы опять за свое, Павлов? А между тем, есть достоверная информация, что Вы сыграли не последнюю роль в создании предательской и враждебной организации, что были одним из самых активных ее членов...

«Недомерок копает мне такую яму – что никакой длины лестница не хватит, чтобы выбраться из нее?»

Но такая лестница все же нашлась...

Зазвонил телефон на столе, Следователь подошел, сел на стул, не спеша снял трубку

– Алло? Следователь Коган! Слушаю Вас...

– Это ты, недоносок? Как раз ты мне и нужен!
раздался из трубки громкий и властный голос
...Урок не пошел тебе на пользу? Снова сунул свой пога-
ный нос в мои дела?

– Извините, я не пойму в чем дело?

Коган побледнел на глазах

– Не прикидывайся дурачком, не пролезет! Зацепил моего
парня и подводишь под вышку?

– Вы о ком говорите?

– О Павлове!!! Ты его взял, или второй недоношенный?

Бледность усилилась, затряслись ухоженные руки

– В...в... месте. Но он сознался что был в плену, а я уже
доложил руководству, я же не знал что он ваш человек?

– Мне твои оправдания на хрен не нужны! Засунь их се-
бе в одно место! Что ты сказал? Сознался что был в плену?
Ну, ублюдок, я до тебя доберусь! Если моего парня расстре-
ляют – я тебя достану даже на дне моря, точнее вас обоих!
И делай выводы, тварь!

Из трубки донеслись длинные гудки...

Павлову много раз приходилось видеть испуганных лю-
дей, но такого он видел в первый раз: белый как бумага Ко-
ган медленно сползал под стол. Увеличенные стеклами оч-
ков глаза закатились вверх и даже зрачков стало не видно.
Посиневшие губы шептали что-то нечленораздельное и мел-
ко тряслись. В кабинете остро запахло мочой

«-Да он же подышает на моих глазах, Корюхов кажется пе-

реборшил? Сейчас эта гнида сдохнет, и ее вонючий труп повесят на меня. Надо что-то делать пока не поздно?»

Павлов вскочил со своего табурета и схватил со стола графин с водой. Обежал по кругу огромный стол, и, приподняв правой рукой голову следователя, принялся лить воду в полуоткрытый рот, в спешке обливая лицо и шею

Следователь закашлялся и чихнул, открыл глаза

– В правом кармане пузырек с таблетками...

глаза снова закрылись

Пузырек нашел быстро. Высыпал на ладонь пять желтых шариков, и отжав пальцем посиневшую челюсть, по одной запихал таблетки в перекошенный рот. Так и стоял, не шевелясь, держа за шею сползающего со стула своего мучителя

Через несколько минут Коган пришел в себя. Втянул ноздрями воздух и покраснел

.-Последствия ранения, понимаете ли, давно уже мучают, проклятые...

«Интересно? Где это ты, тыловая мышь, получил ранение? В этом кабинете? Ай да Корюхов, чуть – чуть в гроб не загнал лучшего следователя „конторы“. Зря я на него грешил? А недомерок то припадочный оказался – Бог шельму метит! Не много ли таблеток я ему сыпанул, как бы новый удар не хватил?»

– Спасибо за помощь, друг. А где сотрудники, что дежурят за дверью? Неужели не слышали ничего, олухи?

Павлова передернуло

«Нет, гнида, ты мне не друг! Пока ты изводил бумажками и истреблял свой народ, я этот самый народ защищал. Между мной и тобой – огромная пропасть...»

Следователь нажал кнопку под столешницей. В кабинет влетели бугаи

– Арестованного в камеру! Подготовить сопроводилровку, и в «Кресты»! Выполняйте...

К вечеру Павлова перевезли в «Кресты».

А перед самым его отъездом, Коган, в сопровождении бугаев, неожиданно пришел в камеру. Сопровождающие остались стоять у открытых дверей

Посыпались вопросы

– При каких обстоятельствах и где Вы встречались с полковником Кузнецовым? Вы родственники? Кем он Вам приходится?

Павлов сделал вид что задумался

– Родственников по фамилии – Кузнецов, у меня никогда не было. Постойте, да это же Кузя? Точно! Ну, его то, я хорошо знаю, кореш мой по войне. Кажется, до лета сорок третьего, вместе воевали? Ну конечно точно, я у него еще взвод принимал, когда его забрали на повышение в Москву. Постойте, а как он в Ленинграде оказался, когда должен быть в столице? Ну, уж раз приехал сюда, тогда передайте ему чтобы одежонку какую-нибудь сообразил, он мои размеры знает, еще папирос и спичек, ну и продуктов конечно, тут знаете ли у вас хреново кормят. Нет, папирос не надо, лучше

махорки больше, и газет на закрутки пусть положит...

Следователь опешил

– Вы что Павлов, рехнулись? Что Вы несете? Полковник Кузнецов понесет Вам махорку в тюрьму? Да Вы хоть представляете себе служебный уровень этого человека?

– Да мне наплевать на его служебный уровень, махорки то он мне всегда принесет. Это для вас он полковник Кузнецов, а для меня он – Кузя! Просто – Кузя!

«Прости меня, таинственный Петр Иванович. Спекулирую на вашем честном имени, но других вариантов спасения нет? А к стенке, за здорово живешь, очень даже не хочется вставать. На войне не сгинул, так свои тыловые мыши в угол загнали ни за что, ни про что...»

Коган вдруг заспешил

– Ну ладно, в основном все ясно. Значит так Павлов: посидите с месяц в «Крестах», здесь, в нашей внутренней тюрьме, мест не хватает. А я, за это время, еще раз перепроверю все материалы дела, появились некоторые сомнения в правдивости показаний вашего сослуживца? затем сформулирую обвинение, и вновь вызову Вас сюда. Мы вместе закроем дело и на этом расстанемся. В дальнейшем будете числиться за трибуналом. Не волнуйтесь, ваши дела не так уж и плохи, факт вербовки «Абвером» трудно доказуемый, и пока не подтверждается материалами дела. Ваш сослуживец все продолжает и продолжает называть новые имена? В его показаниях стали появляться фамилии и звания за-

служенных и уважаемых людей, что наводит нас на мысль о том, что арестованный сошел с ума. А как Вы, наверное, знаете, показания умалишенных трибунал во внимание ни берет. Значит – останется только плен. Вину свою Вы чисто-сердечно признали, чем очень помогли следствию, и в трибунал пойдет соответствующий документ. На процессе зачитают вашу автобиографию, а значит и приговор не будет очень суровым. После войны судить стали не так сурово, даже «вышку» отменили, так что я думаю вы больше десяти лет не получите? В лагерях применяются рабочие зачеты. Если хорошо работать на производстве, и давать в смену две-три нормы, можно освободиться на три-четыре года раньше срока. Так, что еще? Ваши личные вещи после процесса передадим родственникам. Я дал Корюхову указание разыскать в городе ваших близких. Когда найдет, разрешу свидание. Ну, вот вкратце и все? До встречи, Павлов...

Следователь резко повернулся на каблуках и вышел из камеры...

Глава третья

После разговора с Павловым Коган отпустил бугаев и поднялся на третий этаж к своему другу – следователю Стасу. Он шел за советом.

Но Стас уже все знал, Кузнецов позвонил и ему. Он встретил Когана у самых дверей и сразу заорал...

– Прибежал ко мне, идиот??? Раскопал еще одну группу «американских агентов»??? А второго Павлова в ней нет??? Ты куда меня втянул, недоносок? «Мы с тобой громкое дело раскрутим, сам Лаврентий Павлович нас отметит... «Вот сейчас и отметят – лоб зеленкой намажут! А про траки ты уже забыл? высокий и тощий Стас бегал вокруг поникшего Когана и вопил во всю глотку...

– Попёр против самого Кузнецова??? Ты, недоношенный – против Кузнецова??? И меня за собой в могилу тащишь? А-а-а? Ты хочешь стоять на дне и наблюдать, как вокруг тебя плавают разные красивые рыбки? И еще ты хочешь, чтобы рядом стоял я??? Н-е-т! Ты лучше возьми туда свою дебилную жену – писательницу, с которой вы вместе по ночам разрабатываете «враждебные организации». И пусть она возьмет с собой блокнот, чтобы срисовать тебя и рыбок, ...но без меня!!! Я так и сказал Кузнецову: дело Павлова в глаза не видал, занимаюсь абсолютно другими делами, никаких Павловых у меня нет...

Коган, в который раз за день, снова побледнел, от него отказался в тяжелую минуту лучший друг

– Но ты же сам сказал: «Бери Павлова в Москве». Еще добавил: «чтобы не потерялся» на планерке сказал...

– Никогда и ничего подобного я не говорил! А Кузнецов на наших планерках не бывает, так что закрой свой тухлый рот и вали отсюда, я тебя знать не знаю!

– Слушай Стас, ссориться нам сейчас нельзя. Надо искать выход из сложившейся ситуации? Кузнецова нам не одолеть, по сути дела он неприкасаемый...

Стас снова вскипел

– Ты меня к своим делам не приклеивай! Раз ты такой храбрый, то цапайся с Кузнецовым один, а я еще пожить хочу! Нет, на твои похороны, я конечно приду, если вообще твой вонючий труп найдут водолазы?

Но Коган упорно продолжал

...и враг очень серьезный, Лаврентий с ним всегда за руку здороваается. Я наводил справки у московских чекистов, они сами от него шарахаются как от прокаженного. Полномочия, говорят, очень серьезные. А я уже продумывал, как нам его сдать за тот случай и самим не пострадать?

– Давай, давай, сдай, тупой. А ты знаешь, чем занимается его отдел, какие кадры у него набраны? Нет, ты не знаешь, а я знаю: физическое устранение ярых врагов советского государства в любой точке земного шара! Бывших полицаев, власовцев, нацистов, – всех тех, кто наказания за свои грехи

не понес и где – то затаился. Вот тебя и шлепнут как вредителя, ты же зацепил его сотрудника. Выход искать? Ты создал эту ситуацию, вот ты и ищи, а я умываю руки

Стас потихоньку остывал, прошел за стол, сел

– Ладно, слушай сюда! Дам тебе дельный совет, потом посидим в кабаке за твой счет. Ты арестовал двух офицеров, чьи имена были в списке, повторяю – ты арестовал! Один из них сочинил сказку о существовании некой офицерской организации. При проверке выяснилось, что этот арестованный уже давно свихнулся и несет на полном серьезе всякую чушь. Вскоре сумасшедший повесился в камере.

– Я уже думал о том, что можно одного из арестованных объявить сумасшедшим, но начальство потребует объяснений – почему доложил о непроверенных фактах?

– А это твои проблемы, ты же сам натрепался, где только успел? Получишь строгача и все дела. В худшем случае отправят на Чукотку считать моржей, да ты не горюй, ты же талантливый, быстро освоишься, а там глядишь, и пенсия подойдет, а ты живой...

Но Коган на колкости не реагировал и продолжал говорить

– А я, вот невезуха, уже доложил начальству, что Павлов сознался по части плена. А так бы его выпустил и делу конец? Ну а теперь уже поздно, раз начальство в курсе.

– Что ты трепло, я давно знаю, язык твой – враг твой! Ладно, слушай дальше: протянешь следствие по Павлову до зи-

мы, шумок утихнет. Предъявишь обвинение за плен, и пустишь по делу одного. Ничего лишнего ему больше не приписывай. Закрывай по тихой воде дело, и отправляй в трибунал. На сегодня все, чеши отсюда!

– А другой арестованный, что с ним делать?

– А чего с ним делать? Этот на днях загнется от сердечного приступа и все дела. Все, вали к себе...

Коган спорить не стал и уже пошел к двери

.-Стой! криком остановил его Стас... Слушай сюда! Так вот: твой любимый коллега – Корюхов, воевал вместе с Кузнецовым. Они еще по фронту закадычные друзья. Сейчас ты понял где крыша течет? Каким это образом Кузнецов в течение суток пронюхал, что мы взяли Павлова? Это твой майор натравил на нас бешеного полковника и сейчас ждет результатов. Значит, собрался сесть в твое кресло?

Очередная неприятная новость уже не удивила, Коган безнадежно махнул рукой

– Да не в кресле дело, хрен с ним, с этим креслом? Дело в том – как нам сейчас уцелеть? С какой стороны Кузнецов ударит? Законным путем пойдет или сразу в лес на водоем?

Коган вновь разволновался, заходил кругами по кабинету, и неожиданно для себя сел на арестантский табурет перед столом

– Во-во! Нормально ты устроился... сразу съехидничал бывший друг ... скоро постоянно будешь на нем сидеть, привыкай потихоньку.

– Да хватит тебе, Стас? Никто от этого не застрахован, можешь и сам на этот табурет запросто загреметь?

Слушай? Получается что Корюхов, Кузнецов, и Павлов служили вместе? А почему тогда Корюхов, на первом еще, допросе, не подал вида, что они знакомы? Павлов на него тоже не среагировал? Я хорошо это помню.

Стас усмехнулся

– Эти люди прошли огонь, воду, и медные трубы. Такие кадры умеют сдерживать свои эмоции в любой ситуации. Промолчали, чтобы не насторожить тебя, идиота, а потом спокойно поговорили когда ты убежал ко мне хвастаться своими «успехами». Ты же уходил из кабинета в ходе допроса?

– Уходил. Но ты же и сорвал меня с допроса, вызвал по срочному делу? Да и Корюхову я полностью доверяю, он же мне жизнь спас, когда арестованный за горло меня схватил. Руки как клешни, я уже сознание потерял. Корюхов вовремя подоспел, одним ударом психа сознания лишил. Ну как тут не будешь верить?

– В нашей «конторе» никому нельзя верить, даже мне! И сразу после твоего возвращения, Павлов признался, что был в плену? Так?

– Да! А я еще удивился, парень вроде серьезный, а плен легко признал?

– Все понятно: обсудили ситуацию и выбрали лучший вариант. Карточка немецкого архива существует, плен надо признавать. А дальше пошла в ход тяжелая артиллерия –

Кузнецов. Корюхов мужик умный, он выводит Павлова из-под расстрела. И нам придется с этим смириться, в противном случае – траки на ноги. Ну а счета мы потом сведем, если конечно, случай представится?...

И такой случай представился, только не им, а Кузнецову. В пятьдесят третьем году, после ареста Лаврентия Бериин, Кузнецов арестует обоих следователей, и вывезет их на городскую свалку, где они и будут расстреляны.

А Корюхов в этот день искал родных Павлова.

Он обзвонил все отделы милиции, паспортные столы, больницы и морги. И к вечеру его поиски увенчались успехом, нашел мать.

На самых отдаленных окраинах города, в одном из домов-приютов для престарелых, лежала на казенной койке старушка.

Старушка уже покидала этот мир. В сложенных на груди руках зажата потемневшая от времени и слез маленькая иконка. Полуслепыми слезящимися глазами она все же рассматривала офицерскую форму Корюхова. Протянула к нему сухую руку

– Васенька... сыночек мой родненький... пришел...

Корюхов осторожно присел на краешек койки. Рука погладила сукно шинели

– А я уже к Богу собралась, Васенька. Ну теперь уж не пойду... раз ты вернулся. Алешку нашего вот не смогла сбереечь... под обстрел с ним попали... завалило камнями

Алешку... рука обессиленно обвисла

Майор все сидел на краю койки и не мог понять – уснула старушка или умерла. Сзади тихо подошла пожилая женщина

– Долго теперь без сознания пролежит, она все время так.

Взяла легкую вялую руку, пощупала пульс

– Все, товарищ офицер, умерла она, отмаялась сердешная.

А Вы кто ей будете? Сын? Все время ждала Вас...

Ошарашенный случившимся, Корюхов долго не мог понять, что говорит ему женщина, наконец дошло

– Нет, не сын я. Служили вместе с ее сыном. Просил проведать ее, гостинцы передать.

Выдернул из кармана шинели две плитки шоколада и кулек с конфетами

– Возьмите вот, женщина добрая, чайку попьете. Не успел я ничего ей сказать, досадно очень? Извините, пойду я...

Вышел во двор и медленно зашагал по дощатому тротуару
«-Ну а что я скажу Павлову? Сынок в блокаду погиб, мать на моих глазах умерла? Ох, и везучий же ты Федя на людское горе»

На углу дома остановился, записал адрес в потрепанный блокнот.

Прошла еще неделя. Павлов все так же целыми днями лежал на нарах и думал о своем. Папиросы давно закончились, одну пачку он сразу отдал мужикам, и сейчас сам хотел курить, но спросить табачку было не у кого. Народ в камере

подобрался в основном бедный, лишь блатные в своем углу нещадно дымили, бросая на проход горящие бычки.

Подбирать с пола бычки по не писанным тюремным законам было нельзя. Поднявший и докуривший такой бычок сразу же объявлялся «опущенным»⁴ и немедленно переселялся к параше. Урки строго соблюдали законы тюрьмы.

Вчера сосед по нарам раздобыл где-то щепотку махорки и закрутил сигарку. Покурил сам и немного оставил ему. С первой же затяжки так закружилась голова, что Павлов чуть не упал вниз, едва успел ухватиться за руку соседа.

– Ну ты даешь, Вася, чуть с нар меня не стащил. Шибко видать оголодал на табачок? Давай твои носки, счас блатным продам за махорку. Где ты взял такие шикарные носки? Сам вроде из деревни?

– Офицер один подарил, дай ему Бог здоровья!

Сосед забрал носки и слез с нар. Вскоре вернулся, но без махорки

– Суки позорные! Носки взяли, а курева не дали. А чего сделаешь? Там их семь харь, так отделают, что и носки не понадобятся. Это же мелкая блатота, шелупонь всякая. Вор, бы, что ли, в хату поднялся, сразу бы как шелковые стали, суки. Воры не любят таких шакалов...

Павлов приподнялся на локте и посмотрел в блатной угол. Урки как всегда резвились и ржали. Резвились, и не знали еще, что их господство в камере уже подходит к концу.

---

⁴ Опущенный-самая низкая каста в среде заключенных

Загремела, обитая железом дверь...

– Павлов есть? Василий Павлович?

Неведомая сила сбросила с нар на пол

– Есть!

– Быстро на выход! Передача! Тару с собой возьми!

– Нет у меня никакой тары, один карман на всей одежде.

– Лицом к стене! Руки за спину! Головой не крутить!

Конвоиры провели по круговой железной лестнице на первый этаж. Остановили у двери с надписью – «Корпусной»⁵.

Один из конвоиров постучал и открыл дверь

– Товарищ капитан! Доставили Павлова!

– Заводи!

В длинном и узком помещении, с прилавком вдоль стены, стоял, широко расставив ноги, пьяный капитан. За его спиной со стула поднимался улыбающийся Корюхов

– Ну, здравствуй, Василий! Как жив – здоров?

Протянул руку, здороваясь

– Похудел слегка на тюремных харчах.

– Были бы кости целы, а мясо нарастет.

Поздоровались за руку с Корюховым.

Капитан тоже протягивал руку, Павлов замешкался в недоумении

– Жми Васек, это кореш мой, тоже Федя! Кстати – дежурный помощник начальника корпуса. Сейчас он тут за глав-

---

⁵ Корпусной – начальник одного из корпусов тюремного комплекса

ного, как раз его смена.

– И где только нет твоих друзей, Федор?

Поздоровался за руку и с капитаном

– Не имей сто рублей, – а имей сто друзей! Мой жизненный принцип. Ну ладно, Васек, давай вмажем за встречу! Федя командуй! А ты, арестант, не стесняйся, вот стул, присаживайся к прилавку. Я собрал тебе передачу скромную: кое-что из одежды, табачку соответственно, ну и продуктов на первое время. Чем могу?

– Спасибо тебе, Федор, без курева совсем хреново. Даже не мечтал о передаче, мама же не знает, что я приехал, а сам найти их не успел?

Корюхов нахмурился и отвел глаза в сторону. По его виду Павлов все понял

– Федор, ты что-то знаешь о моих близких?

– Давай сначала выпьем...

Федя-капитан уже разлил водку в расставленные на прилавке граненые стаканы.

– Ну, вздрогнем!

Расстроенный Павлов выпил свою порцию как воду, даже крепость водки не почувствовал. Закрыв рукой внезапно пересохшие губы

– Ну, так что ты знаешь о моих, Федор?

И Корюхов осознал, что пришла пора говорить правду

– Маму твою нашел в приюте для стариков... в душе затеплилась искорка надежды ...но нашел поздно? Скончалась

у меня на глазах. Зрение слабое, приняла меня за тебя, обрадовалась. Сердце видимо не выдержало? Перед смертью успела сказать, что сынок твой, Алешка, погиб при обстреле. Вот и все, Василий – все, что я узнал. Прости за недобрую вест, но сказать все равно надо. Адрес приюта я записал на всякий случай...

Защемило сердце.

«Никого не осталось? Всех забрала проклятая война! Бедная моя мама, нет ее больше. И Алешки, крохи, тоже нет. И женщины любимой нет – нет на белом свете моей Кати. Один одинешенек остался...»

Вспыхнула вдруг злость.

«А Стасы и Коганы уцелели, и жены у них дома, и дети с ними. До войны еще вросли в свои кресла, да так и просидели в них лихие годы, изводя своими погаными бумажками и без того измученный народ»

– Слушай, Васек, а жена твоя где?

– Жену мою, Катей звали. Погибла в самом начале войны. Добровольно на фронт ушла, санитаркой служила. Я подружку ее случайно в сорок втором встретил, она мне и поведала, как Катя погибла. Немец разбомбил поезд – госпиталь, на котором жена находилась. Много раненых и медперсонала погибло, и Катя моя в их числе.

– Да, Васек, хватил ты лиха? Не каждый выдержит столько бед? Ну ладно, давай еще вмажем, помянем всех – кого с нами нет! Федя, наливай...

Выпили еще понемногу, закусили слегка

– Федор, я не успел тебе сказать. После звонка из Москвы,

Когана хватил удар прямо в кресле, даже обмочился, бедолага? Я сам его таблетками отпаивал, испугался что крикнет.

– Да на кой хрен ты его спасал? Пусть бы эта сука сдохла!

– Ну, да, а как бы дальше дело повернулось? Что бы мне еще припаяли?

– Тоже верно. Все правильно: что ни делается – все к лучшему...

Глава четвертая

В камеру вошел, держа в руках под завязку набитый мешок. Сокамерники встретили молча, даже из блатного угла не донеслось ни звука.

У блатных вдруг прорезался нюх – почуяли волка.

Поставил на скамейку у стола мешок, развязал тесемку. Достал три пачки папирос, два коробка спичек, положил на стол

– Закуривайте мужики.

Из бумажного кулька насыпал горку мелких конфеток – леденцов, рядом положил, завернутый в холщевую тряпицу, шмат сала, килограмма на полтора, две мятые пачки чая.

– Разделите помаленьку и угощайтесь...

Камера ожила. Арестанты послезали с нар, забренчали кружками. Достали из заначки огрызок химического карандаша и рисовали на шкурке сала тонкие линии. Один запасливый принес прочную нитку – резать сало. Но большинство набросилось на папиросы. Камера так заполнилась табачным дымом, что один мужичок не выдержал и полез на окно открывать форточку.

Блатные из своего угла так и не вылезли. Сунулся было к столу веселый урка, но сзади рявкнули, смылся обратно.

Павлов сидел на своем месте, и выкладывал на нары неожиданно свалившееся богатство. Радовался теплой

и добротной одежде, большому кисету с махоркой, вкусно пахнущему куску мыла.

Собирать передачи Корюхов умел.

В мешок было положено все самое нужное и необходимое для тюремной жизни. Даже катушку черных ниток, с воткнутой в нее иглой, не забыл новый друг.

«Как и когда я смогу отблагодарить майора за все то что он для меня сделал? Наверяд – ли судьба еще раз сведет нас с ним? Надо будет спросить у Феди-капитана его адрес, возможно из лагеря сумею ему написать...»

– Васька!...дергал его за штанину мужичок «расхититель»

...слезай! Мы хлеба нашли, и сала тебе отрезали. Там ребята еще чай крепкий на тряпках варят, велели тебя позвать. Слезай, давай!

– Кушайте и пейте чай без меня, я не хочу. Так и ребятам скажи.

– Ну, смотри, чтоб без обиды только? Нам же неудобно, сало то твое?

Заботливый «расхититель» ушел...

И потянулись дальше, похожие один на другой, длинные и тоскливые, дни ожидания. Следовательно не вызывал. Как перевезли в «Кресты», так и забыли.

Корюхов приходил еще раз в смену Феди-капитана.

И еще Павлов пил с ними водку в том же помещении с надписью «Корпусной», и в камеру вновь вернулся с туго

набитым мешком. Поделился с сокамерниками и даже пригласил блатных, но те снова отказались.

Залез на свое место и лег, положив голову на мешок. Несколько раз повторил про себя два адреса закрепляя их в памяти. Корюхов, на всякий случай, дал и московский адрес Кузнецова. В памяти всплыли его слова: «Не горюй, Васек, мы еще встретимся с тобой на воле. Посидим в кабаке, как все нормальные люди сидят, друзей погибших помянем, песню нашу, фронтовую, споем. У тебя все еще впереди, ты же молодой совсем. А жизнь продолжается, и какая бы тяжкая она не была, – надо жить! Я тебе вот что скажу – бевсовская власть скоро закончится. Это „Усатый“ устроил террор, и уничтожает лучших людей страны. Ходят слухи, что у него хреново со здоровьем, и ни сегодня – завтра он загнетсся. Вот тогда мы и спросим с палачей за все – будем отстреливать их как бешеных собак! Вспомни потом мои слова: – Лаврентия тоже поставят к стенке, а рядом и всю его свору! Таких как ты выпустят, не за что вам сидеть в лагерях. Живи и помни об этом – надежда поможет выжить! На Федьку не косись – свой в доску! Почему я даю тебе адрес Кузнецова? Да он же сам мне сказал, что рад был тебе помочь, и поможет еще, когда представится такая возможность. Он боевой офицер и человек чести. Тебя уважает и жалеет, считает, что такие бойцы, как ты, выиграли прошедшую войну. Тем более, ты пропахал ее – с первого до последнего дня! Тебе при жизни надо памятник ставить, а не в тюрьму са-

жать. Немного уцелело таких ребят, по пальцам можно пересчитать. В общем, помни все, что я тебе сказал...»

Но жизнь повернулась так, что никогда больше Павлов не встретит честного и бесшабашного, русского майора Коряхова.

А в камере все было по – прежнему.

Все так же урки издевались над мужиками и интеллигентом, бесились целыми днями и ночами, не давая никому покоя, а сегодня отобрали у музыканта скудную передачу.

И Павлов не выдержал

– Слышь, ты, разрисованный! Верни человеку его вещи! Я тебе говорю...

Блатные мгновенно собрались на проходе и заорали

– Слезай вниз, фраерок! Посмотрим чё у тебя внутри... блеснула заточка ...ты чё, не понял куда попал?

«Сегодня смена Феде-капитана, значит можно смело хлопать эту публику. Если отправлю парочку в лазарет, ничего страшного, корпусной замнет».

– Я сейчас слезу и тебя унесут на носилках! Отдайте человеку передачу и будем считать, что вы ее не брали.

– Ты должен нас благодарить за то, что мы твои дачки не тронули, заступник хренов. Мы еще и сейчас можем раздербанить твой мешок...

С грохотом и лязганьем открылась дверь. Надзиратели затолкнули в камеру старого и седого как лунь, деда, и мальчишку лет тринадцати. Дверь захлопнулась.

Павлов опешил.

«Уже детей берут, суки? Мужиков наверное извели всех, некого больше сажать?»

Блатные тут же забыли про него и сгрудились у двери, в упор рассматривая новых арестантов

– Дедуля? Да ты в каком веке родился, наверное мамонты были еще живы? Это кто же додумался тебя в кутузку засунуть? Плохи тогда у красных дела, раз сажать стало некого?

Взрыв дикого хохота потряс камеру

Дед стоял спокойно и с достоинством, держась рукой за дверной косяк. А вот мальчонка, беленький, с большими голубыми наивными глазами, увидев синих от наколок и скалящихся урок, сник, не видел он еще в своей короткой жизни таких страшных лиц.

«И мой Алешка такой же беленький был бы?» подумалось вдруг. «Только годков чуток поменьше?»

С верхних нар смотрели на мальчишку жалостливыми глазами деревенские мужики, у многих остались дома такие же пацаны

– Уй, кто к нам пришел? Уй, какая она нежная. Таких милашек у нас пока не было. Растопырив длинные руки, надвигался на мальчика обнаженный до пояса громила...

Дед загородил мальчишку собой.

– Ты чё орешь, окаянный? Это же парень...

Урки от восторга завизжали...

Павлов спрыгнул на пол, быстро надел сапоги, и сказал

громко:

– Не трожь мальчика, тварь!

Блатные на мгновение замерли от таких слов, но ненадолго.

– Это кто же нашего Степу так обозвал? Степа, да это ж «дровосек» обнаглел до такой степени? Ну и наглец? Его надо срочно наказать...

А Степа уже ударил. Он ударил в глаза наглецу раздвинутыми пальцами правой руки, но перед самым лицом обнаглевшего «дровосека», его рука наткнулась на чужую ладонь, и дикая боль, с хрустом в пальцах, поставила Степу на колени. Жесткий кулак врезался в переносицу, хлынула кровь.

Потерявший разум Степа, со стоном волоча за собой искалеченную руку, пополз спасаться под нары, но не успел, кирзовый сапог проломил ребра, и свалил его на спину...

Ближайший урка резво встал в боксерскую стойку, но от встречного удара согнулся в поясе, сильные руки больно схватили его за уши, и, протащив полукруг, с разгона воткнули лицом в угол железного стола. На мгновение урка прилип к железу... и, получив в нагрузку страшный удар в голову, рухнул на пол...

Один из блатных успел показать заточку, за что и пострадал ни меньше других. Рука, в которой он сжимал заточку, попала, будто в железные тиски, захрустела живым хрустом, и чуть выше локтя, прорвав кожу, из нее вылезла обломанная бело-синяя кость. Заваливаясь на левый бок, урка завыл

от боли, но для него это был еще не конец мучений, – безжалостная сила развернула бедолагу по кругу, и с размаху, ударила головой в каменную стену...

Остальные, пока еще целые урки, от страха присохли к полу. Они оцепенели от ужаса и даже не пытались спастись бегством.

Павлов сшибал их с ног как щенят, не испытывая ни капли жалости. Вся злость, накопившаяся за последнее время, вкладывалась в его удары, а злости было очень много.

Жесткие кулаки крушили челюсти, а кирзовые сапоги проламывали ребра. Понимая, что схватку проиграть нельзя, Павлов никого не жалел, и бил до потери сознания.

Через пару минут все было кончено. На полу корчились шесть окровавленных и переломанных тел.

Уцелел только один – веселый урка. Какими то немислимыми скачками – скамейка, стол, он влетел на верхние нары, оттуда его сразу же сшибли осмелевшие мужички, урка в воздухе сотворил невозможный в подобных условиях даже для цирковых акробатов, кульбит, на долю секунды коснулся ногами стола, и в немислимом опять же прыжке, пулей улетел в самый дальний конец противоположных верхних нар...

Распахнулась дверь. В камеру ворвалась толпа надзирателей во главе с Федей-капитаном.

– Этого не брать!

Оттолкнул Павлова в сторону.

Надзиратели с матом и криками набросились на полужи-

вых блатных. Они крутили им руки, и, пиная на ходу тяжелыми сапогами, вытаскивали из камеры, не обращая внимания на вопли и стоны.

Двое надзирателей заскочили на верхние нары и, перешагивая через лежащих людей, ловили веселого урку.

Поймали и сбросили вниз, целясь на железный стол. Глухо стукнулась о столешницу голова, безжизненное тело скатилось на пол...

Вытащив из камеры последнего из пострадавших, надзиратели захлопнули дверь.

В камере воцарилась полная тишина.

Лишь мужичок «расхититель» предлагавший Павлову отведать сала, задумчиво сказал

– Интересно? В каком это колхозе, Васька, тебя так научили драться? Шестерых жлобов укандоухал за пару минут, и хоть бы хны? А с виду обычный мужик, только что по годам молодой. Д...а ...а, напоролись кролики на волка?

– Война научила. Захочешь выжить – научишься! Колхоз тут не причем...

– А вот до нас дошел слух, что ты вовсе и не колхозник? Офицер ты вчерашний, в чине капитана. Чё, правда, Васек?

– Правда, мужики. Недавно в запас вышел, в Венгрии послевоенный год служил. Даже до дома не доехал, на вокзале и взяли по ложному обвинению. Парюсь вот сейчас вместе с вами...

Из-за двери доносились мощные удары, кто – то гром-

ко стонал и плакал. Разговорчивый мужичок сделал выводы вслух

– Вертухай⁶ включили уркам вторую серию интересного фильма. Жаль что мы только одну посмотрели...

Павлов дослушивать не стал, сказал громко

– Мужики! Скидайте под нары барахло блатных, а на их места положите деда с мальцом, ну и тех кто постарше на низ переселите. В общем, сами смотрите, как лучше сделать? Музыканту передачу верните, шпана не успела ее раскурочить.

Сдернул со своего места мешок, достал из него немного конфет и пачку чая.

– Отец, проходите к столу. Сейчас ребята вам кипяточку сообразят, чайку попьете с дороги. Вот конфеты и чай, возьмите отец, не стесняйтесь. Боятся больше некого, мирный народ в камере остался.

– Спасибо тебе парень, – хороший ты человек. Не за себя я испугался – за внука своего. Супостаты что-то плохое задумали супротив него.

– Скажи отец, а как звать мальчика?

– Алешкой кличут... Павлов вздрогнул ...сиротинушка он. Один я у него остался, а мне уж скоро на тот свет. Вся душа изболелась за внука, как он в тюрьме без меня выживет?

– Свет не без добрых людей, и в лагерях они есть. Сам ты еще жив – здоров, так что не горюй раньше времени. Ну и я,

---

⁶ Вертухай – надзиратель, конвоир, часовой.

пока вместе будем, присмотрю за вами обоими. Ты куришь отец? Могу папироской или махрой угостить.

– Бог миловал, никогда не курил. Покажите хорошие люди, где можно прилечь? Устали мы оба...

Блатных в камеру больше ни вернули. Приходил за их вещами заключенный из хозяйственной obsługi, по тюремному – баландёр, сгреб в охапку пыльное барахло, да и унес неизвестно куда.

А в камере воцарился рай. Мужички и интеллигент целыми днями гуляли на просторном месте у дверей, мирно беседуя о том – о сем, на тряпках кипятили в углу воду на чай, играли за столом в смастеренные из хлебного мякиша шашки и шахматы. Ночью все дружно спали в полной тишине.

А Павлов все также лежал на своем месте и ждал. Проходили недели одна за другой, следовательно не вызывал, а за тюремными решетками уже давно хозяйничала зима...

Глава пятая

Слух о том, что какой-то арестованный офицер-фронтовик, в одиночку побил и изувечил целую шайку блатных, быстро прошелся по «Крестам», просочился во все карцера и лазареты, и, обрастая все новыми и новыми подробностями, с этапами ушел в другие тюрьмы и лагеря.

И Павлову пришел привет. Привет был устный

Федя-капитан вызвал его к себе поздно вечером. Вместе со стаканом водки выдал новость

– Слушай, Васек! Тебе передает привет Гриша Одесский! Гриша очень серьезный человек, Гриша – вор в законе! За всю свою тюремную карьеру, такой персонаж, я вижу в первый раз. Это генерал, Васек, нет, даже маршал! Да и не только в лагерной системе, но и на воле он тоже имеет вес и любого достанет. Гриша сказал, что уважает тебя за твой поступок, что будет всячески тебя поддерживать, и с сегодняшнего дня ни один волос не упадет с твоей головы. Ты хоть соображаешь, что означает привет от Гриши? Нет??? Ну, ты даешь? Такой «привет» в тюрьме стоит дороже любых денег. Теперь ни один, даже самый отпетый уголовник, не посмеет и показать тебе нож, а не то что зарезать спящего ночью. Верится с трудом? Да это в твоей хате народ остался спокойный и безобидный, ты просто еще не знаешь, какие ухорезы парятся в нашей «бане» под названи-

ем «Кресты»... и Федя-капитан принялся объяснять несведущему Павлову азы тюремной жизни ...если правильный вор, а Гриша правильный и авторитетный, приходит в тюрьму или на зону, там сразу исчезает беспредел и прочий хаос. Любой работяга или доходяга может придти к нему за советом или за помощью, и он ее получит. Вор правильный никогда не даст в обиду мужика – работягу. Но, к сожалению, есть еще ссученные, это бывшие воры или серьезные блатные, они нарушили законы тюрьмы и потому их так называют. Где правят ссученные – там беспредел! В настоящее время между правильными и ссученными идет вражда, иногда бывает массовая резня, но правильные воры почти всегда побеждают, их больше, да и мужик с ними. Ты старайся в такие конфликты ни влезать, это не твое, ты из другого теста. Гришин «привет» пойдет по этапам впереди тебя и даже ссученные к тебе не сунутся, знают суки, что за нарушение Гришиного слова их будут искать по всем лагерям и тюрьмам серьезные ребята...

– У меня такое впечатление, Федор, что это ты сидишь в тюрьме, а не я? Все то ты знаешь?

– Так я и правда тут живу и сижу, только с другой стороны двери? У меня выходных не бывает, по всем корпусам дежурю. На волю за водкой сбегая, и опять в тюрьму. Спасибо жене, поесть приносит и зарплату забирает...

Намного позднее Павлов узнает, что Федя – капитан рассказал ему чистую правду. Гриша Одесский был одним

из самых авторитетных воров в законе. Слово Гриши имело огромный вес во всех тюрьмах и лагерях, оно могло означать как могущественную поддержку, так и смертный приговор. Знающие люди говорили, что он сидит всю жизнь. У Гриши заканчивался очередной срок, и он выходил на волю. Но прямо у лагерных ворот его снова арестовывали, и везли в ближайшую тюрьму, где предъявляли новое обвинение, за преступление которое он не совершал, скоротечный суд, и Гриша мотал новый срок. Сейчас Гриша сидел в транзитном корпусе «Крестов» и ждал очередного этапа в лагерь.

Федя-капитан залпом выхлебал стакан водки, вытер губы рукавом и продолжил:

– Федька уехал в командировку в Прибалтику. Там сейчас добивают «лесных братьев». Как раз по нему работа – без стрельбы жить не может наш Корюхов, ночей не спит? Тебя оставил мне на сохранение, инструкций напоследок выдал целую пачку. С полочки я собрал тебе, точнее жена собрала, скромную передачу, и тут приходит на мое имя солидный денежный перевод из Москвы от Кузнецова. Тогда я докупил кое-чего, вернее жена докупила, и получилась весьма приличная передача. Большую ее часть пока держу дома, буду по сменам помаленьку приносить. Сегодня заберешь в камеру вот этот сверток...

А в камере был траур, умер дед Егор.

Алешка сидел рядом с его остывающим телом и плакал навзрыд.

Павлов присел на край нар, прижал мальчишку к себе

– Ну что теперь поделаешь, раз время его пришло? А ты Алешка, крепись, ты же – мужик! Несмотря ни на что – надо жить дальше...

Мальчик вытер заплаканные глаза чумазыми руками, посмотрел ему прямо в глаза:

– Не бросай меня, Василий Павлович, один я остался, никого у меня больше нету...

Заскрежетал ключ в замке, дверь распахнулась. В камеру пришли двое заключенных из хозяйственной obsługi – забрать мертвеца. Быстро погрузили тело деда Егора на носилки и вынесли вон. Алешка смотрел им вслед и плакал. А Павлов грустно смотрел на паренька и вспоминал все горькие, полные бед, рассказы старого человека и мелкие проделки его шустрого внука. Все последнее время, с того самого дня, когда он вступился за деда и мальчишку, они всегда были рядом с ним. Сердобольные мужики, спавшие на нижнем ярусе нар прямо под Павловым, уступили им свои места. Дед Егор все больше лежал и думал о чем-то своем.

А вот Алешка лежать не мог. Обжившись на новом месте, он целыми днями шастал по камере, помогал мужичкам кипятить воду на чай, открыв рот, слушал жизненные байки бывалых людей. Вечерами крутился вокруг лежащего Павлова

– Палыч, расскажи чёнибудь про войну. Ну чё ты такой молчун? Давай расскажи...

– Отстань! Контуженный я, и поэтому все забыл.

– Да не ври! Со здоровьем у тебя все нормально. Ну, расскажи...

– Отстань, липучка! Ничего не помню?

Алешка обижался и замолкал, но дольше пяти минут не выдерживал и приставал снова

– Палыч... ну расскажи чёнибудь?

Надоедало лежать и деду Егору

Он вставал. Кряхтя и чертыхаясь, надевал на ноги, потерявшие от древности свой облик, заскорузлые кожаные сапоги, и начинал кругами бродить по камере.

Нагулявшись, подходил на беседу к Павлову

– Ну что Василий, так тебя и не зовет сиделователь? Видать недоброе задумал, нехристь? Сурприз тебе готовит, сволочь бесовская? У нас в деревне урядник⁷ такой же, все время ходит что-то вынюхивает да за людьми подглядывает. Как их, сволочей, только земля-матушка носит? Лиха не нюхали в тяжкую годину, всю войну в тылах просидели, супостаты...

Дед Егор оказался человеком с непростой и интересной судьбой. Воевал на двух войнах: Первой мировой и Гражданской. На Первой мировой дослужился до звания унтер-офицера и был награжден двумя Георгиевскими Крестами. В Гражданскую войну, воевал за красных, командовал эскадронам в армии Буденного. Воевал хорошо: два ордена

---

⁷ Урядник – участковый милиционер

Красного Знамени и именные часы от самого командарма дополнили список его наград.

– Проникся я, понимаешь ли, Василий, идеями марксизма-ленинизма, еще в окопах на первой войне с немцем. Когда большевики временных скинули, я сразу к ним и подался. Верой и правдой служил новой власти. Только вот власть эта оказалась вовсе и не народной? Одурачили нас коммуняки, облапошили? Землю крестьянину обещали отдать – не отдали! Деревню разорили и разграбили подразверстками. Самых крепких мужиков изничтожили, в Сибирь да в другие безлюдные места на смерть поотправляли. Знал бы я, Василий Палыч, как после войны жить будем, увел бы свой эскадрон к белым в самом начале войны братоубийственной. За что, спрашивается, головы друг другу рубили? Чтоб супостата на трон посадить? Бога отвергли, бесы. Храмы везде рушат, нелюди. Стоном стонет простой народ от такой жизни...

– Ты отец тише говори такие слова, народ в камере разный? Стукнет сволочь какая, – беды не оберешься.

– Да я ж потихоньку душу изливаю, Василий. Не должен гнилой человечиска услышать? Ты вот чего послушай парень – смерть свою чую, немного мне осталось совсем. Присмотри за внуком моим, добрый ты человек. Дай мне слово, помру тогда с легкой душой.

– Обязательно присмотрю, дед Егор, есть у меня задумка одна насчет Алешки...

Была когда-то у деда Егора своя семья. После Гражданской войны вернулся домой в деревню под Тихвин, где ждали его жена и сын. Занялся крестьянским делом – пахал землю, держал скотину. С помощью жены, – Матрены Семеновны, да подростшего сына, поставил дом. В трудах и заботах быстро пролетели десять лет. Новая власть присылала за хлебом отряды красноармейцев, но размежеванную на деревенском сходе землю некоторое время не отбирала. В тридцать втором сын привел в дом невестку, жить стали вчетвером. Неожиданно тяжело заболела и быстро угасла Матрена Семеновна. После смерти супруги надломилось что-то в душе Егора, стал часто болеть. Крестьянский труд уже не радовал его как прежде, а усталость к полудню валила с ног. Но деваться было некуда, невестка ходила не сносях, и работать по хозяйству сын ей строго-настрого запретил. Так вдвоем и тащили свое хозяйство, но не бедствовали. В тридцать третьем невестка родила сына, назвали Алешкой. А еще через год нагрянула беда. Из города, с отрядом красноармейцев, приехал комиссар, в кожаной тужурке, при кобуре с маузером. Кучка деревенских активистов провела собрание и признала семью Егора кулацкой. Коллективизация прошла тяжелым катком по их деревне еще в тридцать первом году, но его как заслуженного красного командира, тогда не тронули, а тут вдруг передумали. Сына и невестку, с ребенком на руках, арестовали. Всю скотину конфисковали и угнали на колхозный двор. Деда Егора все же не тронули, но из про-

сторного дома выселили и определили жить в старую баньку на окраине деревни. Не выдержала душа Егора такой несправедливости, тяжело заболел он и слег на долгое время. Помогли соседи. Кто поесть принесет, кто ведро воды колодезной, а одна, согнутая в поясе старушка, взялась травами его на ноги поставить. И через полгода поставила. Встал Егор худой и бледный, голова блее снега, широкие некогда плечи стали узкие и сутулые. Соседи стали называть его дедом. Через год получил дед Егор письмо из Казахстана. Сын писал как плохо живут они в ссылке, как люди там мрут от голода и ночных холодов, как каторжная работа на соляных копях сводит с ума. Умолял приехать к ним и забрать, пока еще живого Алешку. И дед Егор не выдержал. Собрал в дорогу выдавший виды солдатский вещмешок, прицепил на старую гимнастерку два ордена Красного Знамени, заколотил дверь баньки досками, и пешком пошел на железнодорожную станцию. До места ссылки он добрался неожиданно легко. Помогли ордена и потрепанный мандат красного командира. Милиционеры отдавали ему честь и помогали садиться в поезд. Определяли на ночлег в зданиях вокзалов и объясняли как доехать до Казахстана. Военные подвозили на проселочных дорогах и делились с ним едой. Даже комендант спецпоселения сдуру отдал ему честь, не поинтересовавшись, кто он такой, и откуда появился в запрещенном месте.

Увидев своих, дед Егор прослезился. Его воображение даже не могло такого представить: сын и невестка были похо-

жи на живые мумии, а внук представлял собой маленький бледный скелетик обтянутый кожей.

– С голодухи пухнем, батя. Алешку кормить нечем, молока у жены уже давно нет, хлеба одну пайку на троих дают. Сердце кровью обливается, глядя на него, а сделать ничего не могу? На тебя, родной надеемся, больше не на кого? Спаси сына, отец, унеси его отсюда. Начальству скажем, что помер он, закопали в степи. Ну а мы уже не жильцы, ни сегодня – завтра помрем. Прощай, и сейчас же уходи, пока охрана не пронюхала что ты здесь...

Дед Егор обнял их на прощанье, и с внуком на руках, сразу ушел в степь... Одному Богу известно, куда подевались все болезни и хвори.

Без малого месяц, он нес внука безлюдными степями к железной дороге. Пришлось делать огромный крюк, чтобы миновать станцию, на которой высаживали с поездов спецпереселенцев.

На той станции дежурили вооруженные патрули и у всех подозрительных граждан проверяли документы и багаж. За вынос хоть и маленького, но все же внесенного в списки ссыльного, наказание полагалось суровое. Встреча с безжалостными охранниками спецпоселения означала арест, что никак не входило в планы деда Егора, поэтому он и предпочел обойти стороной столь опасное место.

Черными сухарями, что привез с собой, и которых ни грамма не взяли сын с невесткой, питался в дороге сам,

и кормил внука. Положит тому сухарик в рот и повернет лицом к своей груди чтобы не поперхнулся на ходу. Алешка посасывает твердый хлебушек и молчит. Так потихоньку и дошли до незнакомой станции, где на другой день и сели в поезд. Добрались до дома – а дома и стены помогают. Дед Егор оказывал посильную помощь по хозяйству одинокой старушке, а та держала трех коз и за работу расплачивалась молоком. Полезное козье молоко и поставило внука на ноги. Вскоре он заходил и начал понемногу набирать вес. Дед Егор воспрянул духом, выздоравливающий внук радовал душу. Раскопал у баньки две грядки, посадил картошку и зелень. По ночам, несмотря на опасность ареста, воровал на колхозных полях, запасался овощами на зиму, зная, что своих не хватит. Добрая старушка умерла, но перед смертью успела сказать соседям, что завещает своих коз деду Егору. Пришлось сколачивать для неожиданного наследства небольшой сарайчик из старых досок и жердей. Козы помогли им прожить несколько лет, а потом одна за другой передохли.

Шло время. Дед Егор старел все сильнее, а Алешка рос. Вот только в школе он никогда не учился, не умел ни читать, ни писать. Так и жили, одним днем, – старый да малый.

А с далекого Казахстана весточек больше не было.

Весь послевоенный год дед с внуком голодали. С большим трудом пережили долгую зиму, и дождались лета. Но и лето выдалось на редкость дождливое и холодное. Неросло ничего на грядках, грибов и ягод в лесу было мало, а ры-

ба не шла в старые сети. Однажды ночью пошли воровать мелкую еще картошку на колхозное поле. Накопали с ведро и принесли домой. Накрыл их с поличным деревенский участковый, когда варили похлебку...

Глава шестая

На вечерней проверке Павлов записался на прием к начальнику тюрьмы.

На другой день к вечеру вызвали. Конвоиры вели его в другой корпус уже без команд и криков. Спокойно шли рядом и разговаривали как со старым знакомым

– Павлов, а ты не боишься, что блатные, которых ты изучил, закажут тебя своим, или разыграют в карты? Эта публика мстительна и коварна, на любую подлость способна.

– Я свое уже давно отбоялся! Вы мне лучше скажите, какой у вас начальник – вредный или нормальный?

– Нормальный мужик! Вот до него был вредный тип, такой пес, каких поискать. Даже с нами как со скотом обращался, за людей не считал. На повышение ушел, в Москву перевели...

Невидимый, но вездесущий Кузнецов, побывал и здесь.

Из-за большого стола встал высокий седой полковник

– Проходите, Василий Павлович. Садитесь на любой... показал рукой на ряд стульев у стены... мне доложили о ваших подвигах. Признаюсь, весьма удивлен? Редкий человек способен на такие поступки. Шестерых блатных переломать? Запросто могли и зарезать...

Павлов присел на крайний от двери стул. Выждал паузу, и произнес:

– Извините, я к Вам с весьма необычной просьбой: мальчик один у нас в камере осиротел, жалко пацана, свой такой же был...

Полковник выслушал не перебивая. Поскрипывая хромыми сапогами, прошелся по кабинету

– Ну что ж, Василий Павлович, в таком пустяшном деле я вполне сумею Вам помочь. Тем более что из Москвы, по поводу Вас, мне звонил полковник Кузнецов Петр Иванович. Это мой старый и добрый знакомый, я очень уважаю этого офицера. Просил лично присмотреть за Вами, оказать помощь, если таковая понадобится? Все, что не выходит за рамки моих возможностей, я для Вас сделаю...

На другой день Алешку вызвали в тюремную канцелярию. Вернулся веселый:

– Палыч, я сейчас твой сын! Меня зовут – Павлов Алексей Васильевич. Какая-то баба в погонах, строгая такая, сказала, что ты меня усыновил. Я не пойму – как ты это сумел провернуть? Ну, ты даешь, батя...

– Вчера, на приеме у начальника, я написал заявление о твоём усыновлении. Начальник подписал, и все? Сам не ожидал, что так легко в тюрьме такие дела делаются?

– Не ври, давай, так я тебе и поверил? У наших легавых снегу зимой не выпросишь, не то что нужное заявление подписать. Кто-то из тюремных тузов тебе помогает...

– Все! Хорошо балаболить! Бери в заначке карандаш и бумагу, пиши буквы в таком порядке как в азбуке, я тебе там,

на листке написал. Пока читать и писать не научишься – ша-
стать по камере не дам! Полезай наверх, грамотей...

– Баба еще сказала, что нас вместе в лагерь отправят, раз-
лучать не будут...

Вызвал Коган. Он сам приехал в «Кресты». Встретил Пав-
лова в дверях тесного кабинета.

За спиной торчали знакомые бугаи.

– Садитесь на табурет, Павлов, побеседуем. Сегодня за-
кроем ваше дело и будете числиться за трибуналом. Дела ва-
ши не так уж и плохи...

Бумаг в деле Павлова было совсем немного – тонкая кар-
тонная папочка листов из тридцати с небольшим

«Спасибо Корюхову, если б не он, мое дело было бы тол-
щиной с месячный бухгалтерский отчет. Не зря я ему пове-
рил, все сделал, как обещал. Странно, но мне всегда везло
на хороших людей?»

Давно, еще в начале войны, Павлов заметил за собой одну
закономерность: стоило ему попасть в горячую переделку,
как в самый опасный и критический момент, появлялся кто-
то из своих, или даже случайных людей, и помогал ему выйти
живым из опасной ситуации. А однажды, когда на прибреж-
ном лугу, его безоружного, расстреливал немецкий пулемет-
чик, и он, переползая с места на место в густой траве, уже
попрощался с жизнью, так как уцелеть не было ни малейшей
возможности, а диск автомата был совершенно пуст, из бли-
жайшего леса вдруг ударил винтовочный выстрел, и пуле-

мет замолчал. Как выяснилось позднее – снайпер-эвенк подбирает себе позицию в этом лесу...

– И еще, Павлов. Не советую Вам устраивать в камере драки. Тот урок, что Вы устроили уркам, подпадает под уголовную ответственность и называется – тюремными беспорядками! Очень хорошо, что Вы заступились за мальчика, это мужской поступок, но повторяю – в вашем положении подобное недопустимо! Как ни странно, но тюремное начальство одобрило Ваш поступок, и наказало блатюков? А могло быть и наоборот. Так что будьте наперед благоразумны и сдержанны...

Павлов терпеливо выслушал следователя и попросил посмотреть свое дело. Как он и ожидал, в обвинении остался только плен, и ничего более. Поставил свои подписи в указанных местах и встал

– Не смею Вас больше задерживать, Павлов, прощайте...

Глава седьмая

1941 год. Июнь – июль.

...По заставе работал ас – минометчик. Он ложил мины в трех – пяти метрах одну от другой, с интервалом в три – четыре секунды. Тяжелые чушки⁸ легко прошивали крышу казармы и рвались в спальном помещении. В том месте, где, когда то стояли пирамиды с винтовками, было месиво из бревен, досок, штукатурки, и прочего лома.

Павлов схватил на ходу гимнастерку, в майке и галифе выбежал во двор П-образной заставы. По двору метались зашпанные и ошарашенные пограничники. Среди их вертелся и хватал пробегающих солдат за руки низкорослый и толстый политрук. Он что-то кричал и показывал рукой на реку. Павлов взглянул в ту сторону и оцепенел: по всей видимой части реки, на черных резиновых лодках, переправлялись немцы. С их бортов по берегу били ручные пулеметы и трескучие автоматы, а в двухстах метрах от заставы, первые лодки уже уткнулись в песок, и немецкие солдаты лезли на обрыв берега.

Подбежавший политрук схватил его за локоть

– Павлов! Надо спасать и уносить в тыл партийные документы отряда! Там все протокола собраний, партийных обя-

---

⁸ Чушки – мины крупного калибра.

зательств... весь партийный архив заставы!

Павлов выдернул локоть из цепких пальцев политрука, натянул до конца гимнастерку

– Иди ты на хрен!!! Ты сам написал эту муру – сам и спасай!

Побежал к стоящей невдалеке от казармы конюшне. У ее стены лежал убитый пограничник, в ногах валялась трехлинейная винтовка. Перевернул солдата на спину, тот был уже мертв. Павлов схватил винтовку и побежал к обрыву берега. На ходу, краем глаза, успел заметить, как под ногами растерянного политрука рванула мина.

«Не успел написать донос, партийный деятель? Ну и хрен с ним, надоел зануда, хуже горькой редьки...»

Упал в траву на обрыве. Первым же выстрелом сбил пулеметчика с ближайшей лодки. Быстро перезаряжая винтовку, всадил еще четыре пули в плотно сидящих и стреляющих из автоматов солдат. Уцелевшие немцы запрыгали в воду. В пробитой пулями лодке, остались лежать три неподвижных тела. А за спиной уже трещали вражеские автоматы...

«Пора уносить ноги, заставы больше нет. Хреново дело, если у немца такие минометчики? Какие же тогда у него летуны и танкисты? Кровью умоемся...»

Поднял бесполезную, без патронов, винтовку и низко пригнувшись, побежал в сторону леса.

Без малого два месяца, Павлов догонял артиллерийскую канонаду. Она, то становилась ближе, то вновь отдалялась

за пределы слышимости...

...Они с Евсеем лежали за толстым, упавшим на землю деревом, в самом краю бесконечного леса, который только что прошли. Обессиленные от голода и изнурительного пути, оба не могли идти дальше. Павлов встретил Евсея на третий день окружения. Тот служил срочную службу на их заставе в должности собаководов. Они и раньше часто беседовали с ним, покуривая сигарки в укромном месте, подальше от начальства. Евсей был ранен в бедро, и рана загнивала. Но он был деревенским, привыкшим к невзгодам парнем, и молча ковылял за Павловым вот уже вторую неделю, и ни одного стога не издал за весь тяжелый и горький путь.

Но сейчас Евсей сдавал. На бедро было страшно смотреть, на коже появились и расползались вверх и вниз черные пятна, из раны густо вытекал гной, и исходил сильный запах гниющего мяса.

Вот уже трое суток они не видели и крошки хлеба. Добыть хоть какой – то провиант не было ни малейшей возможности, во всех деревушках и на всех хуторах стояли немецкие войска. На ходу жевали незрелые ягоды и щавель. В сырой низине наткнулись на дикий лук и наелись до рези в животах, после чего не могли идти дальше несколько часов.

А за их спинами, через огромное поле, все шли и шли, неисчислимы, как им казалось, войска вермахта. Моторизованные немецкие колонны проходили одна за другой и поднятая ими пыль не успевала оседать на землю. Сплошной рев

множества моторов не замолкал ни на минуту

Евсей долго о чем-то думал, и наконец, сказал

– Слушай, Вася, пойду я к немцу. Может, дадут чего-нибудь пожрать и забинтуют рану? вздохнул тяжело... Ну а может и пристрелят? Ну и хрен с ними, все равно до наших мне уже не дойти.

Поправил на ране грязные тряпки...

– У тебя еще есть пара патронов, можешь жახнуть мне в спину? Я не обижусь...

– Я не Бог, Евсей, чтобы решать – жить тебе или нет? Сам решай!

Евсей с трудом встал, медленно обошел лежащее дерево, и, не сказав больше ни слова, заковылял в сторону поднимающих пыль, машин вермахта

Павлов тоже встал на ноги, и шатаясь побрел обратно в лес. Продираясь через заросли кустарника, зацепился ногой за ветку и упал лицом вниз. Срезая сучья и листья, над головой прошлась пулеметная очередь. «Не дошел до немца, Евсей. Расстреляли беднягу, как только заметили...»

Он уже и не помнил сколько дней бродил по огромному лесу, таская на плече длинную и тяжелую винтовку с двумя патронами в обойме, что дал ему Евсей. Артиллерийскую канонаду больше не слышал и даже не знал, в какую сторону идти. Голод давал о себе знать. Голова постоянно кружилась, слезившиеся глаза не видели толстые сучья под ногами, он часто падал и подолгу лежал на сырой земле, отдыхая,

перед тем как встать. Подстрелить тоже было нечего, дичь на пути не попадалась. Спас его бродячий пес. Крупный кобель выскочил из-за огромной коряги, и, поджав хвост, убежал прочь. Павлов подошел ближе и посмотрел за корягу – там лежал жирный, недавно задавленный, заяц – русак. Два дня он лежал на этом месте, и понемногу, прямо сырым, чертыхаясь и сплевывая, долго и терпеливо жевал заячье мясо. Съеденное мясо придало сил, и Павлов двинулся дальше...

Мотоциклистам было весело. Перед ними, в дорожной пыли, валялся, пытаюсь встать, русский солдат в изодранном в клочья обмундировании. Под солдатом лежала длинная винтовка с расколотым прикладом и открытым затвором. Дюжий немец сидел за рулем мотоцикла. Короткий автомат заброшен за спину, пилотка небрежно запихнута под погон. Второй солдат находился в коляске. Перед ним, на турели, ручной пулемет. Черный зрачок пулеметного ствола злобно смотрел на русского.

Павлов попался по глупости. Отвыкшие от твердой поверхности, ноги, подвели его в броске через большак. На бегу, правая нога подвернулась, и дикая боль в лодыжке посадила его на дорогу.

Подъезжающий на большой скорости мотоцикл двумя короткими очередями прижал его к земле. Немцы залопотали что-то по своему, спорили – пристрелить или нет?

Но, в конце концов, видимо договорились – Ифан фстафай! Гут-гут, фстафай...

Боль в лодыжке постепенно отпускала

Вдали, из-за поворота, показался закамуфлированный немецкий грузовик с пехотой в кузове.

Мотоциклисты заржали

– Ифан фстафай! Бистро фстафай...

Боль почти ушла.

Вот русский, вставая, взмахнул рукой, рядом с пулеметом что-то пролетело Сидевший в коляске немец с удивлением смотрел на свою грудь – под жандармской нагрудной бляхой торчала рукоятка штыка со свастикой. А русский, хромя, уже приближался к мотоциклу. Солдат за рулем быстро перетасил автомат из – за спины в руки, и передергивал затвор, загоня патрон в ствол. Из автомата выпал рожок... Подбежавший русский двумя руками схватил солдата за голову и потащил вверх. Немец уперся, вцепился в руль, но приподнялся. Русский отпустил, немец плюхнулся задом на сиденье, но русский снова резко дернул его голову вверх и рывком повернул влево. Захрустели шейные позвонки, солдат обмяк. Павлов вырвал из ослабевших рук немца автомат, из левого сапога запасной рожок.

Грузовик с пехотой был уже совсем близко. Над кабиной торчали головы в касках и наблюдали за происходящим у мотоцикла. Подъезжающие немцы не могли понять, что происходит на дороге... «Развернуть мотоцикл пулеметом в ту сторону не успеваю? Гансы сейчас врубятся и превратят меня в решето. До леса метров сорок, не добежать? На таком

близком расстоянии подстрелят наверняка...»

С той стороны дороги, из лесной чащи, вдруг ударил автомат ППШ. Грузовик, проехав немного по кривой, завалился на обочину. Немцы запрыгали из кузова, и мгновенно рассредоточившись вдоль дороги, открыли ответный огонь. Невидимый автоматчик бил короткими очередями с разных позиций, отвлекая на себя всю стрельбу. Павлов уже забежал в лес, когда над его головой, по стволам деревьев, защелкали немецкие пули. Укрывшись за толстым пнем, ответил двумя короткими очередями. Немцы еще постреляли для остротки, но сунуться в лес, на два автомата, не рискнули...

...Спасителя звали Серегой. Он так и представился при знакомстве:

– Кличут меня – Серегой! Ты так меня и называй в дальнейшем. Думаю, что мы надолго с тобой состыковались.

– А я – Василий!

– Понял! Слушай дальше: до своих выходить далеко, фронт уже несколько дней не слышу? Надо где-то прошустрить компас, рискуем уйти в другую сторону? И патроны у меня кончаются, тоже надо добывать другую пушку. Ну, ничего, вместе мы что – либо придумаем. А ты, я смотрю, не подарок? Двух гансов на моих глазах уделал, да и гансы такие упитанные, не чета тебе? Слушай Васька, а что такое ты в первого бросил?

– Штык-нож немецкий, позавчера с убитого снял. Ловкая штука, жалко, что забрать времени не было.

– А со здоровым чѐ сотворил, он так и остался на мотоцикле сидеть?

– Башку свернул, он сам мне ее подsunул...

– Чему вас, погранцов, только и не научат? А я так на что и горазд, – лишь дубиной по спине...

– Но автоматом ты хорошо владеешь, нечего сказать. Если б не ты – валялся бы я сейчас на большаке. Спасибо тебе, Серега, никогда не забуду!

Серега тоже был деревенским и церемоний не любил

– Да брось давай, Васька, пузырь потом разотрем, и никто никому не должен.

После расстрелянного на поле, Евсея, Серега был второй попутчик – попутчик почти до конца войны...

За время блужданий по лесам и полям захваченной вражескими войсками советской территории, встречал дезертиров, солдат и офицеров, выходящих из окружения, немецких диверсантов, переодетых в советскую форму, несколько раз видел огромные колонны пленных. В его голове все перемешалось, и он уже перестал понимать – кто свой, а кто враг? Опасаясь предательства, решил выходить к своим в одиночку. Но с Серегой, все получилось иначе, Серега был свой точно, и Павлов был обязан ему жизнью...

Глава восьмая

...Именем Союза Советских Социалистических Республик ...гражданин Павлов Василий Павлович признан виновным по статье...

...плену скрыл от командования... тягчайшим преступлением...

...ранения и награды... приговорил к пятнадцати годам исправительно-трудовых лагерей

без права переписки! Конвой! Увести осужденного!...

Павлов сидел в транзитном корпусе «Крестов» в камере для осужденных и ждал когда осудят Алешку. Два месяца назад, из этой же камеры, ушел этапом на Сибирь, Гриша Одесский.

Неожиданно вызвал начальник тюрьмы

– Здравствуйте и присаживайтесь, Василий Павлович. Я Вам искренне сочувствую, но прошу понять меня правильно, никаких апелляций писать не советую. Срок могут увеличить еще лет на пять – десять? Добавляют специально, чтобы отбить стремление к обжалованию у других осужденных. Я надеюсь, Вы правильно меня поняли, Василий Павлович?

– Да, гражданин полковник, я Вас прекрасно понял, писать ничего не буду!

– Далее: Петр Иванович передает Вам искренний офицерский привет! Советует сохранять присутствие духа и не те-

рять голову. Он верит, что Вы с честью выдержите и это нелегкое испытание.

– Также передайте ему от меня большое спасибо за помощь и поддержку. Я очень благодарен ему за все то, что он для меня сделал, и всегда буду помнить его, как честного русского офицера.

– Хорошо, непременно передам! Сейчас о мальчике: срок за кражу картофеля на колхозных полях ему все равно выпишут, уголовная ответственность наступает с двенадцати лет. За госхищения обычно наказывают восемью-десятью годами лагерей? Вы дождетесь его в камере для осужденных и вместе пойдете этапом в один лагерь. На ваших делах будет поставлен специальный гриф, так что никто Вас с ним не разлучит. Смею Вас огорчить, Василий Павлович, ехать придется за Уральские горы, – в Сибирь. Все разрядки на распределение осужденных поступают в те края...

Павлов дождался Алешку в камере для осужденных.

За неполное ведро, мелкой и гнилой, но государственной картошки, мальчику дали девять лет исправительно-трудовых лагерей.

Просидели еще месяц до этапа в лагерь.

Перед самым этапом, неожиданно выдали по целой буханке хлеба, и по три крупных селедки. Надзиратели смеялись:

– Кушайте экономно, следующий сухпай будет уже в Сибири...

Полковник все сделал, как обещал. На их дела был по-

ставлен специальный гриф. Павлов заметил жирные штампы на углах запечатанных дел, когда конвой проводил проверку этаплируемых перед посадкой в вагоны-теплушки.

За весь долгий этап до лагеря, только в пересыльной тюрьме Свердловска, надзиратели не посчитали гриф как указание к выполнению. Павлова с Алешкой разлучили на трое суток.

Утром, после первой ночи в транзитной камере, на проверке, Павлов обратился к старшему офицеру

– Гражданин капитан! Меня разлучили с сыном. На наших делах стоит специальный гриф, нас нельзя содержать по отдельности. Помогите, пожалуйста.

Капитан выслушал, недовольно поморщился

– Где тебе на дело поставили такой гриф?

– В Ленинграде, в «Крестах». По приказу начальника тюрьмы.

– Мне абсолютно по хрен твой гриф! Будешь сидеть там – где сидишь! И не морочь мне голову!

На второй день, проверяющий в звании майора, тоже отказал в помощи

– Отдыхай земляк, мне некогда с тобой возиться.

И только на третий день проверку проводил добродушный капитан

– Гражданин капитан! Меня разлучили с сыном, помогите, пожалуйста, пропадет сынок без меня. У нас на делах стоит специальный гриф, чтобы не разлучали...

Капитан подозвал надзирателя

– Найди мне их дела! Небось врет, стервец?

Тот подошел к Павлову

– Фамилии обоих!

– Павлов Василий Павлович! Сын – Павлов Алексей Васильевич!

– Товарищ капитан! Я помню эти дела, они отдельно лежат и гриф имеется.

– Переведи его в одну камеру с сыном...

Транзитная камера, где три ночи ночевал Алешка, была огромна. Полторы – две сотни человек галдели как растревоженный улей. Арестанты курили и варили на тряпках чифир⁹, играли в карты и обменивались одеждой, а в дальнем углу кипела драка.

Кучки мелких блатных шастали по камере надеясь в суматохе чем-нибудь поживиться.

Павлов нашел Алешку. Тот был уже без шарфика и кепки – подарил на прощание Федя – капитан, дорожного мешка – сидора в руках тоже не было. Вспыхнула ярость:

– Кто?

Алешка молча показал пальцем на группу блатных стоящих поблизости.

Павлов сунул ему в руки свой мешок

– Держи крепче!

Блатные снисходительно смотрели на него, пересмеива-

---

⁹ Чифир – очень крепкий чай.

лись...

– Чё те надо, фраер?

– Кто из вас отобрал вещи у моего сына? Советую вернуть в целости и сохранности! Время пошло...

– Вали отсюда, козел! Еще хватает наглости нам угро...

Договорить блатной не успел. Мощный удар в подбородок завалил его на бок, а на полу кирзовый сапог вынес передние зубы. Лево́й рукой отбил удар второго, тот по инерции начал падать на него, и Павлов ударил его головой в переносицу. Блатной дико взвыл, схватился за лицо обеими руками, и рухнул на пол... Расправа была короткой. Двое корчились в ногах, остальные бросились искать Алешкины вещи...

В Свердловске, в транзитной камере, просидели без малого два месяца. Наконец надзиратели собрали этап на север. Дождливой ночью, колонна арестантов из двухсот человек, под лай собак и крики конвоиров, шла на железнодорожную станцию. Кто-то из бывалых людей объяснял на ходу

– Дальше повезут в вагонах – теплушках до Нижнего Тагила. Даже со стоянками состава на мелких станциях, все равно дней за семь-восемь должны доехать до места. За Тагилом пленные немцы строят железку дальше на север, вроде как до Зивдельлага¹⁰ успели протянуть нитку? Ну а следующие этапы все будут пешие. Не завидую я тем, кого дальше зивдельских лагерей погонят, – труба дело...

---

¹⁰ Зивдельлаг – группа лагерей расположенных в городке Зивдель.

Глава девятая

Сибирь.1947год. июль.

Добрались до знаменитой Зивдельской пересылки.

Много страшных слухов за нее гуляло по этапам, тюрьмам и лагерям. Будто бы и начальник там зверь, и конвойные под стать ему, стреляют даже за косой взгляд. На самом деле все оказалось не так. После замены проворовавшегося начальника на пересылке было спокойно. В глухом таежном углу, на берегу быстрой реки, была очищена от деревьев огромная территория. Территория по кругу в четыре ряда обнесена колючей проволокой. Между колючих заборов распаханы запретные полосы в пятиметровую ширину. По периметру, строго через сто метров, возвышались караульные вышки. На вышках стояли вооруженные часовые. С северной стороны пересылки висели на столбах широкие ворота. Вдали, на западе, виднелись заснеженные вершины старых Уральских гор.

Внутри пересылки кипела жизнь. Несколько тысяч арестантов размещались в пяти десятках барakov. Свободно ходили из барака в барак друг к другу в гости, грелись на солнышке, азартно играли в карты. Мылись по очереди в тесной бане, бегали в лазарет клянчить бинты и лекарства.

Павлов встретил в своем бараке двух знакомых по «Крестам». Они и сказали, что Гриша Одесский ушел пешим эта-

пом дальше на север.

А пришедшее в тайгу лето вступало в свои права. Беспощадно жарило солнце. Лес по ту сторону колючих ограждений посвежел и позеленел, быстро шла в рост свежая трава по берегам реки. Шустрыми стайками летали птицы, тучи комаров и гнуса висели в нагретом воздухе.

Через три недели надзиратели начали собирать очередной этап. Попали в списки и Павлов с Алешкой. Предстоял длительный пеший этап к затерянному далеко в тайге лагерю – Верхний Челым. Никто из арестантов не знал, сколько дней, недель, или месяцев до него идти...

Ранним туманным утром нестройная колонна из четырех сотен арестантов двинулась в далекий и неизвестный путь.

Впереди шли шесть подвод с продовольствием для охраны, заключенных, и собак. Еще одна, с личными делами осужденных, и две порожних, закрытых брезентом, подводы, в которых по очереди отдыхала охрана, замыкали этап.

Конвой попался не злой. Большая часть конвоиров была уже в зрелом возрасте, большинству далеко за сорок. Никаких издевательств или побоев они не устраивали, и спокойно вели колонну по петляющей лесной дороге.

Злые были собаки. Двенадцать откормленных овчарок хрипло лаяли и рвались с поводков, бросаясь на арестантов. Тихо ползущий этап из-за собачьего лая был слышен на многие километры. Лишь вечерами на привалах злобные твари успокаивались и жалобно скулили. Полчища комаров и гну-

са висели над ними, и тогда собакам было не до людей...

Павлов насчитал тридцать конвоиров...

«Взвод автоматчиков на четыреста человек? Плюс ко всему, натасканные на людей злоющие псы. Не хило, однако? Позади колонны идут трое с винтовками, похоже снайпера на случай побега? Не сладко придется тем, кто вздумает бежать, эти далеко достанут. И еще телеги? Почему так много провианта, целых шесть подвод? Корм собакам, продукты конвоя, наши пайки, – все равно много? Значит, до лагеря топать и топать. Ну, ничего, доползем потихоньку, только бы только Алешка выдержал?»

Кормили арестантов сухим пайком – вяленая просоленная рыба, хлеб, изредка старая тушенка во вздутых банках. На восьмой день пути хлеб закончился, стали выдавать черные сухари. От соленой рыбы сильно хотелось пить. Воду брали из мутных дорожных луж. Прошедшие впереди колонны телеги взмучивали воду, но жажда была сильнее, и приходилось пить такую какая есть. Идущие впереди, кружками и котелками черпали воду из луж, и по цепочке передавали назад, откуда вскоре возвращалась опорожненная посуда. Конвой на своеобразный живой конвейер не обращал никакого внимания.

На четырнадцатый день, в полдень, этап вышел на огромную поляну, тянущуюся вдоль лесной речки. Начальник конвоя объявил привал. Уставшие арестанты попадали в траву, задымили сигарками.

Алешка держался молодцом, Павлов смотрел на него и удивлялся... «Крепкие мужики к концу дня едва ноги тащат, а ему хоть бы хны? Готов еще и в футбол сыграть, дай только мяч. Это очень хорошо, пригодится его выносливость в дальнейшем...»

Алешка завертелся на месте, вскочил на ноги

– Смотри, Палыч! Вон там, в лесу, зона, наверное? Вишь вышка торчит, вертухай на ней стоит?

Павлов тоже поднялся, посмотрел в ту сторону: в дальнем конце поляны над речкой нависла сторожевая вышка, дальше, в кустах, виднелся угол высокого забора.

– Похоже, так и есть? Зона, только не наша, а нам еще топать и топать.

– С чего ты взял, что еще много топать?

– Посмотри сколько провианта на передних телегах, шесть подвод под завязку загружены.

– Ну и чё? В них может чё другое еще везут?

– Да нет, провиант это, нечего им больше везти...

К ним подошел и присел на корточки пожилой конвоир с автоматом. Заговорил как со старыми знакомыми

– День добрый, ребята! Ты чё не куришь, мужик? Нету табаку? Могу угостить, если есть желание? Или впадлу у охраны брать?

– Ну почему же, угощай, коли не жалко?

Конвойный насыпал Павлову в ладонь щедрую горсть махорки, дал тонкую стопку нарезанной газеты

– Слушай, парень, это не ты вступился за сироту в «Крестах», и задал блатным трепку? Я смотрю, парнишка с тобой малолетний, вот поэтому на тебя и подумал.

– Было такое событие. А ты откуда знаешь такие дальние новости?

– Добрые дела впереди людей идут. У нас в поселке ни один десяток сирот проживает, отцы на войне сгинули. Помогаем, чем можем, так уж заведено на Руси, да и сами детей растим. Тебя бы у нас люди уважали – это точно! Сейчас я ребятам скажу, ни одна сука к тебе даже не сунется, сразу в расход пустим! А блатюков я и сам ненавижу – твари пакостливые! Еще мужика – работягу, душат, суки! А как тебя звать – величать, парень?

– Василий. Скажи солдат, вон там, в лесу тоже лагерь?

Конвоир втянул в себя едкий дым сигарки, прокашлялся

– Да, Василий, лагерь. В этих проклятых, Богом и людьми местах, лагерей – нет счета! Они везде! Мы просто обходим их, и будем обходить дальше, как обходит их эта лесная дорога. Этапный тракт специально проложен так, чтобы подобные заведения в глаза не бросались. Но страшнее вот этого лагеря, он называется – Шалица, нет ничего в этих местах. Лагерь рассчитан всего на семьсот человек, а только при мне туда завели ни меньше трех тысяч зеков? При всем при этом, никого и никогда оттуда не освобождали? Следом за нами туда идет этап численностью в четыре сотни человек. Богу молитесь, что не попали в те списки. В Шалицу существует

только вход – а выхода нет!

– Ну и куда же по твоему люди исчезают? Лагерь то не резиновый?

– Наивный ты еще, Василий? Это специальный истребительный лагерь. Сюда отправляют тех, кого надо по – тихо – му ликвидировать, или спрятать до поры до времени. Говорят там сидят известные люди: ученые, генералы бывшие, ну и так далее. А конвой шалицкий чем-то похож на наших псов, даже с нами разговаривают только криком? Местных мужиков там нет, этих сволочей привезли из столицы. Все в званиях, не ниже старшины, высокие и тренированные как собаки. В общем, та еще публика, не дай Бог попасть им в лапы...

– Интересные вещи ты нам рассказываешь, отец. Не казался раньше такой жизни, так ничего и не знал?

– Много здесь всего интересного – да вот интерес весь черного цвета. Нехорошие стали у нас места.

– Скажи: долго еще идти до Верхнего Челыма?

– Долго, ребята, с месяц еще прошлепаем, а может и дольше? Идем слишком тихо...

– Спасибо за правду, солдат. Я думаю тебе лучше отойти от нас, начальник конвоя сюда смотрит.

– Ну, бывайте здоровы! Курево кончится, дай знать, помогу, чем смогу.

Добродушный конвоир поправил на плече автомат и отошел.

На другой день, сразу после ночевки под открытым небом, зарядил мелкий и нудный дождь. Дорога быстро раскисла, идти стало тяжело. Ноги скользили по дорожной глине, многие арестанты падали в грязь.

К Павлову привязался неизвестно откуда нарисовавшийся блатной:

– Это ты што ли в «Крестах» наших правильных жиганов покалечил? А финку не хочешь попробовать, фраерок? Смачно сплюнул себе под ноги, сунул в карман замызганных штанов правую руку.

Павлов насмешливо посмотрел на «правильного жигана», улыбнулся:

– Свалил бы ты отсюда, придурок, Лазаретов здесь нет – где отлеживаться будешь?

– Это мои проблемы! Дак ты или нет, фраер? Пора и ответ держать, фуфло ходячее!

«Да он же под кайфом, сученок, таблеток нажрался. И где они только ухитряются их доставать, пройдохи хреновы? Сейчас ему и море по колено, разговаривать с ним бесполезно, придется бить, по – мирному не получится...»

Неожиданно встрял Алешка:

– Ты чё, парень, не знаешь кому фуфло лепишь? Они же с Гришей Одесским кореша по жизни! Гришаня уже ждет Палыча на Чельме, да тебя же на пику насадят. Ты чё, Гришу не знаешь?

Кайф сразу улетучился, «правильный жиган» начал сда-

вать назад

– А чё, сразу нельзя было сказать? Я же ни сном – ни духом? Ну, раз ты Гришин корешок, тогда разговору нет. А то мне сказали, что ты офицерик бывший, ну я соответственно и возмутился, а как же...

– Я же тебе уже сказал – свалил отсюда по – быстрому!

Блатной быстро растворился в толпе...

На пятьдесят седьмой день пути от Зивдельской пересылки, к вечеру, поредевший этап дошел до лагеря Верхний Челым. Четверо ослабевших в дороге пожилых арестантов умерли своей смертью, еще троих подстрелили снайпера, когда те бросились с моста в воды бурной реки пересекающей маршрут этапа.

Давно уже перестали лаять и бросаться на людей конвойные псы. Комары и гнус отбили у них всюзлость, а скудная собачья пайка поубавила прыти. Высунув красные слюнявые языки собаки молча плелись рядом с колонной тяжело бредущих измученных людей. Верхний Челым встретил этап новым свирепым собачьим лаем – это местные конвойные собаки встречали колонну и облаивали ее со своих постов...

Этап остановили перед железными лагерными воротами. Из помещения контрольно – пропускного пункта, пошатываясь, вышел пьяный старшина с автоматом в руках

Грозным взглядом осмотрел колонну арестантов

– Вы прибыли в лагерь – Верхний Челым! Судьи и прокуроры здесь мы – военизированная охрана! По нашим за-

конам и будете здесь жить! Недовольным и дерзким – шаг вперед!!!

Резко передернул затвор автомата, и выпустил длинную очередь, над головами молча стоящих людей

Из узких дверей КПП один за другим вышли еще трое военных с оружием

– Строго соблюдая порядок переклички, по одному, заходим сюда, на «вахту»! После личного досмотра проходим в зону и самостоятельно ищем спальные места в бараках! Все! Начинаем!

Люди заходили на КПП в одну дверь, с вольной стороны, и пройдя обыск, выходили в противоположную дверь, попадая уже в лагерь.

Прием и обыски заключенных шли уже второй час. Обесиленные арестанты по одному и группами начинали садиться на землю.

– Всем встать! Тех, кто не понял, будем отправлять прямым ходом в карцер! заорал один из военных

Недовольно бурча, люди, сидевшие на земле, поднялись...

Павлов с Алешкой стояли с краю колонны.

Сзади тихо приблизился знакомый пожилой конвоир, заговорил почти шепотом

– Держись, Василий! Не хотел тебя пугать раньше времени – челямская зона тоже не сахар. Стороной обходи этого гада, который стрелял, и его брата. Того здесь пока не видно, на «вахте» похоже сидит? Ты его легко узнаешь, они похожи

как две капли воды. Редкие, я тебе скажу, – сволочи, способны на любую пакость. У обеих руки в крови по локоть...

– Павлов Василий Павлович и Павлов Алексей Васильевич! Подходим с вещами!

– Прощай солдат! Спасибо тебе...

Глава десятая

Верхний Челым.1947год.

На той стороне ворот, недалеко от вахты – КПП, собралась уже целая толпа прошедших досмотр вновь прибывших арестантов. Старые лагерники бродили среди них, искали земляков и знакомых.

Двое рослых парней расспрашивали всех подряд:

– С вами не шел человек по фамилии – Павлов? Слышь, земля, ты на этапе не слышал фамилию – Павлов? С ним еще пацан малолетний должен быть?

– Шел с нами. Наверное, шмон еще не прошел, на той стороне пока?

– Да вон он идет с вахты. С парнишкой. Ну, точно он!

Парни сразу подошли:

– Вы – Павлов?

– Да ребята, моя фамилия Павлов.

– Вас ждут в одном из барачков, давно уже ждут?

– Кто, если не секрет?

– Нет, не секрет, Вас ждет Гриша Одесский, пойдете с нами...

Черный рубленый барак, к немалому удивлению Павлова, внутри оказался безукоризненно чист и аккуратен. Блестели добела отмытые доски некрашеного пола, вдоль стен доброт-но сколоченные из струганных плах и брусков одноярусные

нары. В центре просторного помещения стояла побеленная кирпичная печь, сразу за ней накрытый цветастой клеенкой, стол.

Из-за стола поднялся высокий и крепкий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Жесткое, будто вырубленное из камня, лицо, умный пронизательный взгляд, зачесанные назад полуседые волосы.

– Ну, здравствуй, Павлов! А я – Гриша! Вот и свиделись – тюремный мир тесен. Искренне рад встрече с тобой, уважаю и ценю сильных и честных людей. Проходи к столу, будь как дома. В этом бараке живут только свои ребята, так что не стесняйся.

Павлов снял грязные сапоги у порога, кивнул Алешке, чтобы тоже разделся, и щеголяя дырявыми носками направился к столу.

Гриша крепко пожал ему руку, улыбнулся:

– Поизносился на этапе, однако? Ну, ничего, это дело поправимое. К вечеру мои ребята протопят баньку, подберут бельишко и что – либо из одежды тебе и пацану.

К столу приблизился Алешка, встал рядом с Павловым:

– Здравствуй, пацан! Как будем тебя называть?

Гриша протянул мальчику руку:

– Павлов Алексей! Я сын Палыча! Двумя руками вцепился в широкую ладонь, затряс ее со всей силы

– Ну, ну, сын Палыча, полегче чуток, не ровен час и руку мне оторвешь? Вишь, какой мощный? Давай, друган, садись

за стол...

...Гриша угощал. На столе как по волшебству появились: белый хлеб, колбаса, сало с красными прожилками, печенье и конфеты.

Шустрый парень расставил на столе рюмки, из красной резиновой грелки разлил остро пахнувший спирт и ушел.

– Дядя Гриша, а где Вы все это взяли? Ведь мы же в тюрьме находимся?

Алешка смотрел на конфеты голодными глазами, но взять не осмеливался:

– Бери конфеты, сын Палыча, не стесняйся. Сейчас Петруха чайку сообразит, и жизнь тебе покажется сказкой.

– Ну а где, все же? Может, отняли у кого –нибудь?

Павлов шлепнул его по затылку

– Ешь, давай, трепло! Посылку он получил... из дому...

– Вор я, пацан! Вору не полагается на пайке сидеть! А где харч беру? Знакомые принесли по старой дружбе. Кушай, давай, не мучайся угрызениями совести, у нас все по – честному делается...

Гриша поднес к губам рюмку

– Давай Василий, за встречу! Дай Бог, не последняя в нашей жизни...

Наевшийся досыта Алешка уснул прямо за столом. Павлов осторожно поднял его на руки, и понес к нарам.

– Отнеси в дальний угол барака, там тюфяки, ложи на любой. Устал, парнишка. Этапный тракт и взрослых с ног ва-

лит, а не то мальчишку? Крепок на ногу, сорванец, чувствуется школа...

Павлов отнес Алешку в дальний угол барака, уложил на тюфяк. Вернулся к столу:

– Сирота он с малых лет, первый пряник только в тюрьме и попробовал. Дед его воспитывал, а сам уже немощный был, в камере у нас и умер. Родителей в коллективизацию раскулачили, угнали на соляные копи в Казахстан, где они и сгнули. С тех пор и остался пацан с дряхлым дедом. Такие вот дела, Гриша.

– А как ты ухитрился переписать его на свою фамилию? Неужели помог кто-то из сильных мира сего?

Разговорчивостью Павлов никогда не отличался, а тут как прорвало. Рассказал про Корюхова и Кузнецова, про Федю-капитана, и про то, как начальник «Крестов» помог официально усыновить Алешку. Гриша слушал внимательно и серьезно, смотрел на Павлова с уважением, даже папиросу не прикурил, так и прокрутил ее в пальцах до самого конца рассказа

– Что не говори, а среди мусоров иногда встречаются люди. Этот бесшабашный майор – Корюхов, запросто сам мог под следствие загреметь за вмешательство в дела следователей. Отчаянный мужик, я тебе скажу, и честный! Тебе очень крупно повезло, Василий. Если бы не майор – твой приговор бы уже привели в исполнение. Редкая у тебя история, на сказку похожа, но я верю. Ну ладно, давай еще по капель-

ке...

Выпили по рюмке. Понюхав корочку хлеба, Гриша продолжил:

– Я знал, что ты идешь этапом в нашу сторону, но слегка опасался, что вас завернут на Шалицу, бывали случаи. Хотя вероятность туда попасть была весьма мала, в шалицком лагере содержаться в основном политические, а в вашем этапе большинство уголовников. Кстати, по дороге конфликтов с приклатненными у тебя не было?

– Да нет, ничего серьезного не было, так, мелочи.

– Ну, смотри Василий, тебе виднее? Эту публику надо сразу к ногтю, другого языка они не понимают. Сейчас мои парни шерстят этап, возможно десятка два ссученых подошли с вами?

– Не знаю, Гриша, этап большой, может, кто и был?

– Ненавижу ссученных! Истребляю и давлю как гнид! Тюремные шакалы! Живут по принципу волчьей стаи – отобрал и съел, не понравился – убил! Похожую стаю, ты сам поломал в «Крестах», так что тебе приходилось с такими уродами сталкиваться. Воры бывшие, блатные всех мастей, от которых свои же и отвернулись за позорные проступки. Даже после того, как от них отказались все нормальные арестанты, они продолжают называть себя блатными и братвой. Ссученым терять уже нечего, совесть и стыд давно и безвозвратно потеряны, так что добрая половина пашет на мусоров, если не все. Надо, например, лагерному начальству как-то вы-

крутиться за невыполнение производственного плана, а достоверных объяснений нет? Что они делают, чтобы спасти свою шкуру? А начальство, с помощью сук, устраивает в зоне бунт, с поджогами барачных, цехов, и заготовленной продукции. Уловил смысл? Правильно – все грехи списываются на бунт, ими же и организованный. Вот для таких дел мусорам и нужна подобная продажная публика. За то, что могут когда-то пригодиться, отношение к ссученным лояльное, много чего прощают, на работу не гонят. И в это же время, мужика – работягу, завышенными нормами выработки душишат почему зря. Вот такие дела, брат, в лагерях происходят...

– Ну а если твои парни найдут ссученных в пришедшем этапе, что с ними сделают?

– Кого прирежут, кого на правильный путь наставят, это уж у кого какие «заслуги» перед обществом. Нельзя допускать чтобы суки сбивались в крупные стаи – тогда прольется большая кровь. Воров даже вырезают, когда в силе, а не то, что мужиков. Недавно здесь, на Чельме, ссученные убили одного из наших. Где – то пронюхали, что я этапом иду, сразу четверо сорвались в побег. Солдаты с собаками догнали и кончили всех.

– Да, дела. Сижу вроде уже давно, а все еще не могу толком разобраться в тюремной жизни. В каждый день узнаю что-то новое.

– То, что ты отсидел, Василий, это крохи от того, что у тебя еще впереди. Мой тебе совет – настраивай свою душу

на долгую жизнь в лагере, не изводи себя напрасными мечтами и иллюзиями о свободе. Пятнадцать лет – серьезный срок, как не крути, а сидеть его придется. Тебе еще многое придется пережить – холод и голод, каторжную работу. К блатным «романтикам» ты никогда не примкнешь, у тебя на лбу написано – мужик! Я уверен, что ты будешь работать при любом раскладе, и даже если тебе будет светить смерть от голодухи, ты все равно будешь выходить на работу. Ну, скажи что я не прав?

– Да, Гриша, без работы я не смогу, работать в любом случае буду, не привык сидеть без дела. Но, если я вдруг почувствую, что в воздухе запахло жареным, тогда уйду из этого лагеря, пусть с треском, с трупами, но уйду когда захочу, и конвойная рать меня удержать не сможет. Нет, я не хвастун, Гриша, просто я знаю свои возможности, и знаю, как правильно применить их на практике. Ушел бы и сейчас, сразу с этапа, несмотря на зиму, но есть одно обстоятельство которое мешает мне это сделать.

– Наверное, я разучился разбираться в людях? Почему то подумал, что ты будешь тянуть срок до конца? А в твоих возможностях не сомневаюсь, в тебе чувствуется сила и уверенность в себе. Что – то мне подсказывает, что ты еще наведешь шороху в этом лагере? Ну, об этом, мы позднее поговорим...

Грелка постепенно пустела

– Гриша, а про Шалицкий лагерь ты что можешь мне рас-

сказать? Сам пока не пойму – чем меня заинтересовал этот таинственный лагерь?

– Ну что я знаю? Лагерь засекречен. Ходит слух, что его курирует сам Берия. Конвой – тренированные мордовороты из столицы. Хозяин зоны – конченный садист. Звание – полковник, фамилия – Сердюк. Бесконвойных арестантов на Шалице, как во всех других лагерях, нет. Обслуживающий персонал – врачи, продавец, конторские, и прочие, тоже ни местные, местных жителей на выстрел к зоне не подпускают. Опять же по слухам: в лагере имеются подземные казематы, где содержатся узники, которые могут еще понадобиться государству. Говорят, там сидят люди, которых, если верить советским газетам, уже давно расстреляли? Но большая часть арестантов уничтожается. Этапы туда постоянно заходят, а не выходит никто. Значит, – работает конвейер массового уничтожения людей. Вот только неизвестно какими методами палачи убивают, расстрельных залпов не слышали даже местные охотники? Возможно, применяются средневековые способы уничтожения, например – голод, замораживание? Ну и как у мусоров принято – расстрел, только стреляют, наверное, в подземелье, потому и выстрелов не слышно. Но в настоящий момент это не главное – главное, в другом...

Гриша прикурил папиросу, горелую спичку бросил в пустую консервную банку

...с одной стороны, Василий, тебе крупно повезло, ты ми-

новал Шалицу. Лагерь челямский, с точки зрения мужика-работяги, считается самым лучшим в этих краях, про голод я промолчу, во всех лагерях голодуха, дело вот в чем: на Чельме никогда не было внутреннего беспредела. Мужики сами делают погоду в зоне, и не дают сукам разгуляться, как в других лагерях. Политические арестанты живут здесь спокойно и мирно, никто их не обижает, но это внутренняя жизнь...

Гриша сделал короткую паузу...

– ...а с другой стороны... в лагере процветает ментовской беспредел, и устроил этот беспредел хозяин лагеря, то есть – подполковник Дятлов. По – нашему – Дятел! Так вот: наш хозяин, по каким – то своим дьявольским соображениям, отправил десяток человек на шалицкую зону. Ушли парни этапом, и с тех пор от них ни слуху – ни духу? Как в воду канули? А зеки все опытные, должны были весточку сюда заслать. Значит, для связи нет ни малейшей возможности. К чему я тебе это говорю? «Барин» наш, как и все тыловые крысы, ненавидит вашего брата-фронтовика лютой ненавистью. Всяческими путями сживает фронтовиков со света, загубил уже не один десяток людей прошедших войну. Для таких дел у него имеются два садиста – братья, по фамилии – Кривцы. Мрази конченные, – пробу некуда ставить. «Барин» наверняка посмотрит твое личное дело сам, возможно сразу же возненавидит тебя за твое фронтовое прошлое, и отдаст братьям устный приказ на твое уничтожение?

А это сучьё, свое дело знает, могут за малейшую провинность или косой взгляд пристрелить. Могут замотать изоляторами до полного бессилия, а могут и на Шалицу отправить. Тебе постоянно надо быть начеку! Возможно, совсем скоро, тебе придется уходить в побег – лучше на воле достойно погибнуть, чем здесь от выстрела в спину. Парень ты сильный и опытный, умом Бог не обидел, так что у тебя много шансов выжить в тайге. Вот ты сейчас думаешь – почему я тебе советую идти в побег, когда на носу зима? Во – первых: обстоятельства сложились так, что другого выхода может просто не быть, а ждать грибной сезон еще почти год. Во – вторых: в грибной период вохра переходит на усиленный вариант службы, и уйти с лагеря будет гораздо сложнее. А сейчас у охраны спокойный период, самое время свалить с лагеря. Ну а на прощанье можешь, как следует хлопнуть дверью – пусть знают легавые что такое фронтовик – разведчик! Вояки они никудышные, по сравнению с немцем – шавки! Только с безоружными и умеют воевать, суки. Возможно, после побега с трупами, в лагере начнутся репрессии? Но репрессии здесь и так постоянно, так что про это можно не думать.

– К сожалению, Гриша, в ближайшее время идти в побег я не могу, Алешка еще слишком мал для таких дел. Оставить его – значит предать. Придется терпеть пару лет? Пусть пацан подрастет и окрепнет, а когда подойдет время, возьму его с собой. Уйти с этого лагеря, я думаю будет несложно, –

система охраны развалена полностью. Процветает пьянство, а где пьянка – там бардак! Конвойные подходят с заряженным оружием вплотную к арестантам, можно легко завладеть готовым к бою автоматом. Привыкли к полной безнаказанности, видно не попадали еще в переделки?

– Какие переделки, сплошь тыловая публика. И конечно, если дело касается пацана, то он слишком мал для таежных скитаний, надо ему еще подрасти. Но и ты смотри в оба, не прозевай критический момент.

– Прости за нескромность, Гриша, хочу задать тебе один вопрос?

– Ну, о чем речь, спрашивай

– Люди говорят что в этом году на свободе страшный голод, а у тебя полный набор харчей, даже колбаса имеется, ума не приложу, где все это можно достать?

Гриша улыбнулся:

– Все очень просто: конвойные войска при любом раскладе снабжаются по первой категории, у народа отнимут, а им дадут. Все поселковые магазины в лагпунктах¹¹ принадлежат тюремному ведомству, ну а мы, уже за двойную цену, покупаем у местного барыги¹², – Абрама и у самой вохры¹³, им навар и мы сыты. Но если честно: закупаемся мы не так уж и часто, финансы не всегда позволяют. А недавно, пришлось для

---

¹¹ Лагпункт – поселок, в котором расположен лагерь

¹² Барыга – спекулянт

¹³ Вохра – вооруженный охранник

дела, потратить солидную сумму, так что в настоящий момент, денег почти не осталось. Пора «игровых» трясти, картежников так зовем, если не знаешь? Общую лагерную казну надо пополнить, деньги на этапы понадобятся. Так у нас заведено – этапникам на дорогу помогаем по мере возможности. А голод, кстати, не только на воле, в лагерях намного хуже. Это я на твой приход прикупил кое-что, вот у тебя и создалось столь обманчивое представление, а на самом деле все обстоит далеко не так. В лагере голодуха, гуляют цинга и дифтерия, люди мрут десятками и даже сотнями, особенно работяги. Так что на легкую жизнь шибко не рассчитывай и себя не обманывай.

Гриша прикурил папиросу и с досадой хлопнул себя ладонью по колену

– Нет, ты себе представляешь, Василий – посреди огромной, богатой зверем и рыбой, тайги, стоят острова – лагерь, где люди умирают от голода? Озера и реки полны рыбой, медведи и лоси бродят вдоль заборов, грибы – ягоды летом сразу за запреткой¹⁴ растут, а людям есть нечего? Да одна бригада из двух десятков расконвойников¹⁵, может столько заготовить грибов и ягод, столько наловить сетями и силками, рыбы и зверья, что зимой про голод можно и не вспоминать. Так нет же, никому из начальства это не нужно, за это

---

¹⁴ Запретка – распаханная, контрольно – следовая полоса

¹⁵ Расконвойник, бесконвойник – заключенный, передвигающийся без конвоя за пределами лагеря

ордена не дают. Сволочная власть на Руси, сволочная, что не говори. Так по сей день, и живем на голодных островах, живем, и последний хлебушек потихоньку доедаем...

Гриша досадно махнул рукой

– Эх, наливай еще по капельке, Василий...

В самом конце душевной беседы, под рюмочку, Павлов задал последний вопрос и на том разговор на сегодня закончился

– Гриша! Еще в тюрьме мне ребята говорили, что заключенные в лагерях, на спине и груди, носят белые круги, как бы мишени, чтобы конвоем легче было стрелять в беглецов. Числятся под номерами, а не по фамилиям. Здесь же я ничего этого не заметил, переключка проходила по фамилиям, никаких номеров не видел и не слышал?

– Все так и было – и мишени и номера! Но недавно вдруг отменили всю эту бутафорию, только вот не интересовался – везде отменили или местами? Ну, ладно, отдохнуть тебе пора, Василий, давай все разговоры на завтра перенесем. Да, чуть не забыл тебе сказать? Мои парни где-то узнали, что «барин» заряжает меня в первый же этап на Салехард. Видимо мешаю ему беззаконие творить, а открыто ликвидировать опасается. Лагерь на уши встанет, если он меня кончит, государственный план будет под угрозой. Бунт ему сейчас не выгоден, впереди зимние лесозаготовки, надо запас леса к весеннему сплаву готовить. Если я уйду, выдержит ли мужик натиск блатных? Вся жизнь в лагере может поменять-

ся. До меня здесь был Миша Питерский, Миша правильный вор, не давал мужика в обиду. Но и он ушел на Салехард. Суки сразу проявились и начали устанавливать свои порядки. В скором будущем в лагере не останется никого из наших, одна молодежь, а им надо все объяснять и подсказывать, иначе таких дел наворотят. К большому моему сожалению, ты на статус смотрящего за зоной не подходишь, ты офицер и фронтовик, а таким, по нашим законам, передавать власть нельзя. Ты только не обижайся на правду – такая лагерная жизнь...

– Что ты, Гриша, я все прекрасно понимаю, – я здесь случайный пассажир. А законов ваших, по сей день и не знаю.

– Ты силен духом и телом, а это не каждому дается. Так вот: какое – то время ты по любому останешься в лагере, мы же не можем сейчас просчитать, когда наступит в твоей жизни критический момент? К тебе, может быть, подойдут мужики за помощью, обязательно помоги. Ты многое можешь, я в тебе уверен!

– Все сделаю, что в моих силах, даже не сомневайся!

– Мои парни будут тебе помогать. Ну, все, спокойной ночи...

А сон не шел. Павлов крутился на тюфяке, переворачивался с боку на бок, вставал курить несколько раз. В ночном бараке стояла полная тишина. Отработавший десятичасовую смену рабочий люд спал мертвецким сном. Гриша, еще до прихода работяг, ушел куда-то по своим делам и к но-

чи ни вернулся.

В голову лезли тревожные мысли...

«Пройдет немного времени и Коган со Стасом вспомнят обо мне. Тот факт, что им не удалось подвести меня под расстрел, гниды никогда не забудут. Пронюхают, где нахожусь, и достанут меня в лагере. Ни Кузнецов, ни Корюхов, здесь помочь не сумеют. Они даже и не узнают о моих проблемах, связи с ними нет. Все лагеря – владения НКВД, или как они сейчас себя называют, – МВД? А гниды сумеют достать меня одной бумажкой, на такие дела они мастера. Плюс ко всему начальник лагеря – сумасброд. Надо что-то решать? А может Алешку оставить с Гришей, а самому уйти в побег? Нет! Вырастет пацан вором...»

Уже под утро пришел Гриша. Скинул с ног начищенные хромовые сапоги, и бросив под голову ватник завалился на тюфяк.

– Почему не спим, Василий? Скоро утро, а ты, судя по твоему виду, совсем не спал.

– Сон начисто отшибло, в голову лезет хрень всякая? Лежу и думаю не понятно о чем?

– Ты мне вот что скажи: работать все-таки будешь, или пока отдохнешь в жилой зоне? Я могу устроить тебе отдых на долгое время и без всяких дурных последствий. Спрячем тебя от начальства на некоторое время, чтобы ты сил набрался и отдохнул, как следует. В лагере почти три тысячи человек, из них добрая сотня неработающих наберется – инва-

лиды, блатные и прочие, одним словом – неработь¹⁶. А если у тебя есть желание работать, то пристрою на теплое место.

– Работать буду обязательно, отдохнул в тюрьме досыта. Алешку тоже надо на работу устроить, пусть учится уму-разуму.

– Пару деньков все равно отдохните, наработаться еще успеете. В баню сегодня ходите, раз вчера с устатку не пошли. Сказал ребятам, чтобы с утра по – новой затопили, к полудню будет готова...

---

¹⁶ Неработь – неработающий арестант

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.